

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

Памяти русского философа В.Н. Карпова

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 5. С. 684-731.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

ПАМЯТИ РУССКАГО ФИЛОСОФА В. Н. КАРПОВА.

Речи, произнесенные на торжественном собрании въ С.-Петербургской Духовной Академии 12 апр. 1898 г. по случаю столетия со дня рождения знаменитаго профессора-философа (род. 2 апр. 1798 г.).

В. Н. Карповъ, какъ профессоръ.

Ваше Преосвященство,

Милостивые государи и государыни.

Мы сошлись на скромное собраніе, чтобы почтить память бывшаго профессора нашей академіи В. Н. Карпова. Уроженецъ воронежской епархіи, сынъ священника, В. Н., по окончаніи курса въ воронежской семинаріи, поступилъ въ киевскую духовную академію, которую и окончилъ въ 1825 г., въ составѣ 2-го курса. Первые годы своей службы В. Н. провелъ въ киевской семинаріи, затѣмъ въ киевской академіи. Въ 1833 г. въ бытность ректоромъ с.-петербургской духовной академіи знаменитаго архипастыря русской церкви Иннокентія Борисова, В. Н. былъ переведенъ въ нашу академію, въ которой и служилъ до конца своей жизни въ 1867 г.

С.-Петербургская духовная академія въ теченіе восьми-девяти-девяти лѣтияго періода своего существованія имѣла утѣшніе видѣть въ рядахъ своихъ дѣятелей почтенныхъ тружениковъ богословской науки и талантливыхъ представителей общаго образования. Къ числу такихъ дѣятелей безспорно принадлежалъ и виновникъ настоящаго скромнаго собранія талантливый и самостоятельный мыслитель, заслуженный профессоръ нашей академіи В. Н. Карповъ. Имя его должно быть записано крупными буквами въ лѣтописи нашей академіи

и въ исторії развитія богословствующей философской мысли. Чествуемый, по слухаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія, В. И. всю жизнь свою посвятиль науکѣ и долженъ быть причисленъ къ сонму тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые, получивъ отъ руки божественнаго Промыслителя щедрые дары ума, воли и чувства, съумѣль развить и пріумножить ихъ въ гармоническомъ сочетаніи, чтобы принести обильные, здоровые и зреѣщіе плоды человѣческаго знанія. Всѣ знающіе и сохрапляющіе память о В. И. Карповѣ павѣрно согласятся со мною и скажутъ, что это былъ человѣкъ глубокой вѣры въ Бога, твердыятъ жизненныхъ убѣждений и непреклонныхъ стремлений къ разъясненію коренныхъ вопросовъ человѣческаго существованія. Природа приготовила въ немъ носителя рѣдкихъ дарованій,— а собственная самодѣятельность развила высокій образецъ самостоятельного мыслителя, чуждаго педантизма, страсти и односторонняго увлеченія пріобрѣтенными знаніями.

Стоящій предъ нами бюстъ изображаетъ черты серьезнаго многодумшаго взора профессора. Намъ пришлось узнать знаменитаго наставника уже въ начавшіе вечерѣ годы его жизни, когда самъ профессоръ открыто сознавался: «ахъ, господа, силы слабѣютъ, жизнь дрогаетъ, а сколько остается еще не обмысленного, необдуманного, недоконченного!» И въ склонявшемся къ закату жизни старцѣ ярко свѣтили и давали себя наблюдать живая мысль, острое соображеніе и неподдающее воодушевленіе. Эти спутники не оставили старца и подѣлъ его смертной болѣзин. В. И. умеръ въ ясномъ сознаніи, какъ и жилъ съ убѣжденною мыслію.

Мы всего ближе знаемъ В. И. Карпова, какъ профессора въ положеніи преподавателя. Предъ нами наставникъ довольно высокаго роста, гармонически сложеннаго корпуса, но несолько сутуловатый, съ постоянной думою на челѣ, съ озабоченнымъ видомъ, углубленнымъ повидимому внутрь самого себя для распознанія тайнъ человѣческой души. Мѣрная, ровная и твердая поступь наставника свидѣтельствовала, что его мышленіе направляется по вѣрному пути къ правильно поставленной цѣли, и его душу не волнуютъ сомнѣнія относительно неизвѣстности будущаго. Профессоръ всегда казался сосредоточеннымъ, занятымъ, благодушнымъ. Лекціи его представляли импровизацію, для которой онъ не восходилъ на каѳедру, а говорилъ двигаясь по аудиторіи съ заранѣе написан-

нымъ краткимъ конспектомъ въ рукахъ. Въ своихъ лекціяхъ профессоръ любилъ обращать вниманіе на современныя явленія дѣйствительности и оцѣнивать ихъ по даннымъ науки. В. Н. не любилъ употреблять громкихъ фразъ и искусственныхъ приемовъ, а говорилъ всегда просто съ твердымъ убѣждениемъ; ибо не говориль чужаго на показъ, а выражалъ знанія, приведенныя сквозь призму собственного сознанія и разумнаго самочувствія. Профессоръ обладалъ многосторонними лингвистическими и научными знаніями, а потому въ своихъ лекціяхъ сообщалъ разнообразныя свѣдѣнія. Главнымъ же девизомъ профессора въ его преподаваніи было то, чтобы поставлять философскія и психологическія знанія въ связь съ истинами божественнаго Откровенія. При такомъ характерѣ и направленіи, уроки и лекціи профессора были особенно поучительны, цѣнны, жизненны и плодотворны. Сообщаемыя знанія мирно укладывались въ призму откровенныхъ истинъ. Это особенно поднимало В. Н. и поставляло его на высотѣ, располагая къ его мышленію всѣхъ тѣхъ, кто желалъ и искалъ мирнаго и уважительнаго разрѣшенія вопросовъ жизни и знанія.

Воспитанникъ старой духовной школы, пріучавшей къ самостоятельному и самобытному труду, профессоръ и въ слушателяхъ своихъ цѣнилъ трудъ и наклонность къ собственному углубленію въ предметѣ. Въ этомъ отношеніи В. Н. давалъ предпочтеніе тому импровизированному отвѣту, который свидѣтельствовалъ о стремленіи студента вникнуть въ предметъ, и удостоивалъ отличія тѣ письменныя упражненія, которыя носили печать собственнаго, а не заимственнаго раскрытия заданной темы; замѣтно выдигалъ тѣхъ слушателей, въ которыхъ подмѣчалъ огонекъ синтетического мышленія и задатки самостоятельного творчества. Серьезность профессора отражалась и на его слушателяхъ. Собственное имя Карповъ въ то время можно было признать нарицательнымъ для того академического профессора, который самъ, самоувѣренно и мужественно держа знамя науки, умѣль привлекать подъ сѣнь этого знамени и своихъ слушателей. Таковъ былъ по нашему мнѣнію В. Н. Карповъ, какъ профессоръ, умудренный и знаніемъ и опытомъ.

Начальство въ свою очередь цѣнило заслуги профессора Карпова и въ нужныхъ случаяхъ пользовалось его знаніями и опытностію. Въ бумагахъ академического архива и въ ме-

муарахъ тогдашней академической конференціи находится не мало мнѣній и отзывовъ, которые были представлены и поданы В. Н. по разнымъ, возникавшимъ въ то время, ученымъ и учебно-воспитательнымъ вопросамъ. В. Н.—чу неоднократно поручалась начальствомъ ревизія духовно - учебныхъ заведеній, и притомъ въ особо важныхъ случаяхъ, требовавшихъ внимательного и опытного взгляда. Обозрѣть и освѣтить все это въ настоящемъ докладѣ нѣть возможности, — это на досугѣ когда-либо опишеть біографъ, который приметъ на себя трудъ составить подробную біографію Карпова съ детальнымъ изображеніемъ сторонъ его жизни и дѣятельности, равно и того, что имъ написано и остается до сего времени въ рукописахъ. Для характеристики же профессора, какъ довѣренного отъ начальства ревизора, замѣтимъ, что по проинкціему въ печать, неофициальному отзыву очевидца, Карповъ производилъ ревизію Полоцкой въ Витебскѣ семинаріи самымъ тщательнымъ и строгимъ образомъ, но такъ, что ни воспитанники не стѣснялись ревизора, ни начальство не опущало смущенія. Все во время этой ревизіи шло обычнымъ, прежде установившимся ходомъ. Ревизоръ при казавшейся строгости и сурости его взора обнаруживалъ ласковость и привѣтливость въ обращеніи.

Вообще, если бы мы пожелали представить В. Н. по его личнымъ свойствамъ, съ которыми онъ являлся всегда и въсюду,— то должны были бы сказать: по виду строгій и даже какъ бы суровый, замкнутый въ себя, В. Н. былъ особенно привѣтливъ, искрененъ и ласковъ въ обращеніи съ другими по чувствамъ своего благороднаго сердца. Въ домѣ и въ обществѣ присутствіе В. Н. не стѣсняло его собѣседника, — но каждый чувствовалъ, что находится въ обществѣ человѣка, чуждаго суетнаго, щепетильнаго и искусственнаго тона. В. Н. ко вся кому относился съ ровнотою, простотою и непринужденностью.

Поставленный въ необходимость много думать о собственной семье, въ виду ограниченного содержанія по службѣ, В. Н. не отказывалъ обращавшимся къ нему за участіемъ, совѣтомъ и содѣйствиемъ. Многіе отнимали у него время для своихъ интересовъ. Вообще В. Н. представляется собою образецъ самоотверженаго, безкорыстнаго и общедоступнаго труженика. Да будетъ же о немъ вѣчная память во всѣхъ знатившихъ, уважавшихъ и почитавшихъ этого скромнаго и чест-

наго мужа. Дляувѣковѣченія же памяти В. Н. Карпова въ alma mater, который онъ посвятилъ лучшіе и самые зрѣлые годы своей жизни, принеся на служеніе ей всѣ усилия своихъ дарованій, постараемся дружнымъ единодушіемъ признательныхъ учениковъ и почитателей изыскать способъ къ тому, чтобы навсегда сохранить въ нашей академіи связанное съ ея прошлымъ имя В. Н. Карпова.

Т. Барсовъ.

II. В. Н. Карповъ—какъ психологъ.

Ваше Преосвященство,

Милостивыя государыни и государи!

Кто изъ любителей духовнаго просвѣщенія не слыхалъ имени покойнаго профессора с.-петербургской духовной академіи В. Н. Карпова? Преданіе намъ говорить, что В. Н. Карпова любили и уважали въ нашей академія при его жизни. Слава о немъ, какъ знаменитомъ профессорѣ, была распространена по всѣмъ семинаріямъ. Семинаристы изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ Россіи, пріѣзжая въ академію, «на приемныхъ экзаменахъ и на первыхъ лекціяхъ вились взорами въ его аскетическую фигуру и мѣряли глазами его открытый лобъ, сравнивая его съ Платовскимъ»¹⁾. Но мы видимъ, что академія живо хранить о немъ память и до настоящаго времени, хотя послѣ его смерти прошло болѣе тридцати лѣтъ. Гдѣ причина этого?

Отвѣтомъ на поставленный вопросъ могутъ служить сочиненія покойнаго профессора. Но нимъ легко можно судить, какими идеалами онъ былъ воодушевленъ и какъ онъ имъ служилъ. Я не буду касаться всѣхъ сочиненій В. Н. Карпова, а остановлю вниманіе лишь на психологическихъ его трудахъ. Кѣ пимъ относятся: литографированный подробный конспектъ лекцій по психологіи, читанныхъ студентамъ.

¹⁾ Рѣчь при погребеніи заслуженнаго профессора Василия Николаевича Карпова. „Христ. Чтеніе“, 1868 г., ч. I, стр. 267.

XXVIII курса, и психологической статьи, помещенной въ «Христіанскомъ Чтеніи»¹⁾, «Странникѣ»²⁾ и «Дѣтскомъ Чтеніи», составлявшемъ приложение къ «Страннику»³⁾.

Въ этихъ трудахъ заслуживаютъ вниманія два вопроса: 1) какъ представлялъ себѣ В. И. Карповъ значеніе психологіи и способъ ея разработки и 2) какія психологическая воззрѣнія проводилъ онъ самъ въ своемъ курсѣ психологіи?

Чтобы не утомлять Вашего вниманія, я ограничусь разсмотрѣніемъ первого вопроса.

В. И. Карповъ былъ моралистомъ. Вездѣ и всюду его занималъ одинъ вопросъ: какъ нужно жить, что дѣлать, чтобы выполнить данное человѣку назначеніе. Поэтому съ какимъ бы предметомъ онъ ни встрѣчался, онъ прежде всего спрашивалъ: ведеть этоѣ предметъ къ осуществленію назначенія человѣка или нѣтъ, и если ведеть, то какъ и въ какой мѣрѣ? Сообразно съ этимъ самый предметъ приобрѣталъ въ его глазахъ большее или меньшее значеніе. Совершенно такимъ же образомъ онъ опредѣлялъ и значеніе психологіи.

Назначеніе человѣка двоякое: 1) «достигнуть возможно большаго личного совершенства и 2) поставить себя въ возможно лучшія отношенія ко всему, чѣмъ окружена и условливается жизнь»⁴⁾. Обѣ эти задачи выполняются уже человѣческою природою безсознательно, въ силу присущихъ ей инстинктивныхъ требованій. Но полагаться на одни инстинкты нельзя. Какъ показываетъ опытъ, они могутъ у человѣка принимать превратное направление. Поэтому въ инстинктивныя дѣйствія природы долженъ быть внесенъ свѣтъ сознанія. Но какъ это сдѣлать? Конечно не иначе, какъ чрезъ изученіе самыхъ проявленій инстинкта.

Всѣ люди стремятся къ личному совершенству. Это стремленіе выражается въ томъ, что никто не довольствуется наличнымъ своимъ состояніемъ. Но въ чёмъ заключается лучшее состояніе, или совершенство, этого никто прямо не знаетъ. Чтобы узнать это, мы должны анализировать наличное свое состояніе, вызывающее въ насъ чувство недовольства. Мы

¹⁾ Вступительная лекція въ психологію. 1860 г., ч. I, стр. 189—229.

²⁾ О самопознанії. 1860 г., ч. I, стр. 17—34.

³⁾ Таинственная лампада и Лампадный слей. 1864 г., ч. I, отд. 2, стр. 1—22 и ч. II, отд. 1, стр. 28—88.

⁴⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 214.

должны дать себѣ отчетъ, чѣмъ собственно мы недовольны въ этомъ состояніи. Тогда будетъ ясно, чего намъ не достаетъ, къ чему мы стремимся, въ чемъ заключается наше совершенство. Предположите, что человѣкъ испытываетъ непріятное чувство голода. Чтобы узнать, что ему нужно, онъ долженъ отыскать предметъ, которымъ устраниется это непріятное чувство. Подвергая себя дѣйствію то одного, то другого, то третьяго предмета, онъ, наконецъ, увидитъ, что его природа въ данномъ случаѣ требуетъ пищи. Существо дѣла остается тѣмъ же самымъ и при опредѣленіи личного совершенства человѣка. Разница заключается лишь въ томъ, что для опредѣленія совершенства мы должны изучить не одно какое-либо обнаруженіе человѣческой природы, а всѣ. Мы должны взять цѣлую душевную жизнь и по ней составить взглядъ на человѣческую природу и ея требованія.

Не иначе можетъ быть опредѣлена и вторая задача человѣка—поставить себя въ возможно лучшія отношенія съ предметами, которые его окружаютъ и отъ которыхъ зависить его жизнь. Какіе это предметы—думать не приходится. Они чувствуются или ставятся нами въ качествѣ необходимыхъ предположеній, безъ которыхъ была бы невозможна самая наша жизнь. Эти предметы суть: матеріальный міръ, люди и Богъ. Изъ отношеній къ нимъ и слагается наша жизнь. Опытъ показываетъ, что существующими своими отношеніями къ Богу, міру и людямъ мы никогда не бываемъ довольны. Мы хотимъ стать къ нимъ въ лучшія, идеальные отношенія. Но въ чёмъ заключаются эти отношенія—остается для насъ загадкою. Разгадать ее—нѣть у насъ другого естественнаго средства, какъ обратиться къ изученію наличныхъ отношеній, т. е. къ изученію нашей душевной жизни и лежащей въ ея основѣ нашей природы.

Такимъ образомъ знакомство съ душевною природою человѣка одинаково требуется для уразумѣнія какъ личного совершенства, такъ и идеальныхъ отношеній къ Богу, міру и людямъ. И это вполнѣ понятно. Стремленіе поставить себя въ идеальные отношенія къ Богу, міру и людямъ и стремленіе достигнуть личного совершенства представляютъ собою двѣ стороны одного и того же стремленія къ совершенству вообще. Всѣ мы стремимся къ осуществленію въ жизни возможно полнаго совершенства. Но это совершенство мы можемъ разсматривать или въ отношеніи къ намъ, или

въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, дѣйствіемъ которыхъ обусловливается наша жизнь. Разсматриваемое съ первой точки зрењія оно явится совершенствомъ нашимъ личнымъ, а со второй—совершенствомъ нашихъ отношений къ Богу, миру и людямъ.

Но изученіе душевной жизни и лежащей въ ея основѣ душевной природы человѣка составляетъ задачу науки Психологии. Психология, слѣдовательно, должна дать твердая научные основанія для уясненія назначенія человѣка. Она должна быть «рефракторомъ, показывающимъ, согласны ли съ требованіями души наши мысли, чувствованія и желанія, и если не согласны, то въ чёмъ именно и какое произошло уклоненіе, чтобы потомъ возстановить направленіе силы уклонившейся и устремить ее къ истинному совершенству человѣка¹⁾.

Въ связи съ этимъ ближайшимъ значеніемъ психологіи стоитъ и другое—болѣе отдаленное ее значеніе.

Для разумнаго и сознательнаго осуществленія своего назначенія человѣкъ долженъ знать не только свою собственную природу, но и природу тѣхъ предметовъ, отъ которыхъ зависитъ его жизнь, т. е. Бога, матеріального міра и человѣчества. О Богѣ, мірѣ и людяхъ мы можемъ судить лишь по ихъ отраженіямъ въ нашемъ сознаніи. Но отраженія въ сознаніи могутъ быть правильными и неправильными. Чтобы отличить правильныя отраженія отъ неправильныхъ нуженъ критерій, а критеріемъ могутъ быть только присущія нашей природѣ нормы, или законы. Мыслители обыкновенно считаютъ своею обязанностью руководиться лишь теоретическими нормами, т. е. тѣми законами, которые указываются логикою па основаніи психологического изученія познавательной дѣятельности человѣка. Но мы знаемъ, какое сильное вліяніе на познаніе оказываютъ страсти. И чѣмъ сложнѣе или отвлеченѣе предметъ познанія, тѣмъ сильнѣе бываетъ это вліяніе. Особенно большую роль играютъ страсти при познаніи предметовъ сверхъопытныхъ, напр., Бога. Это показываетъ, что одного теоретического критерія для разрѣшенія высшихъ вопросовъ бытія недостаточно. Здѣсь нуженъ другой критерій, болѣе ясный и ощутительный.

Такимъ критеріемъ являются жизненные наши отношения къ окружающему настѣ бытію. Если эти отношенія нормальны—они

¹⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 216.

отвѣчаютъ истинной природѣ не только наась самиихъ, но и окружающаго насъ бытія. Наоборотъ, если мы въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему бытію будемъ выходить изъ ложныхъ взглядовъ на это бытіе — наша жизнь получитъ искривильную форму и мы сейчасъ почувствуемъ это. Слѣдовательно, самымъ надежнымъ критеріемъ для уразумѣнія истинной природы Бога, міра и людей должны служить нормальные наши отношенія къ нимъ. Мы должны составить правильный взглядъ на эти отношенія и изъ него сдѣлать выводъ о природѣ указанныхъ предметовъ. Но правильный разумный взглядъ на нормальные отношенія къ Богу, міру и людямъ можетъ быть выработанъ не иначе, какъ при помощи психологіи. Отсюда психологія должна быть положена въ основу всей энциклопедіи философскихъ наукъ — философіи религіи, философіи природы и философіи человѣчества¹).

Придавая столь высокое значеніе психологіи, В. Н. Карповъ, естественно, долженъ былъ задаться вопросомъ: какимъ требованиямъ должно удовлетворять психологическое изслѣдованіе, чтобы психологія стояла на высотѣ своего призванія?

Съ материальными мірамъ мы знакомимся посредствомъ виѣшнихъ чувствъ. Душевный міръ человѣка виѣшнимъ чувствамъ не доступенъ. Мы не можемъ ни видѣть, ни слышать, ни осязать тѣхъ чувствованій, желаній и мыслей, которые происходятъ въ другомъ человѣкѣ. Мы можемъ непосредственно знать только свои собственные душевые явленія. У насъ есть способность обращаться къ самимъ себѣ и наблюдать надъ происходящими въ насъ событиями. Это наблюденіе, известное подъ названіемъ внутренняго опыта, составляеть т. о. единственный источникъ непосредственного знакомства съ душевною жизнью. На фактахъ внутренняго опыта и должна быть построена наука — психологія. Но какъ?

Первое требование, которому должно удовлетворять всякое научное изслѣдованіе, есть требование беспристрастія. «Чистая истина постигается только чистымъ зрѣніемъ: чрезъ предрасположенія же или какія-либо предзанятія начала... она во всей своей чистотѣ не усматривается»²). Поэтому и психологія въ своихъ изслѣдованіяхъ должна быть свободна отъ предвзятыхъ идей. «Философы, говорить В. Н. Карповъ, большую

¹⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 211 и 220.

²⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 205—6.

частію позволяли себѣ дѣлать заключенія о человѣческой душѣ не по самыи явленіямъ души, а по принятымъ взглядамъ на міръ или по общей, усвоенной извѣстнымъ мыслителямъ, идеѣ всего существующаго»¹⁾). Но идея легко можетъ оказаться ошибочною и тогда всѣ заключенія о душѣ рушатся, подобно зданію, построенному на пескѣ. Поэтому, «было бы гораздо лучше—не предполагать идеи, какъ нѣчто данное, а найти ее путемъ самоознанія, чтобы потомъ не психологію развивать по идеѣ философіи, а философію по идеѣ психологіи»²⁾). В. Н. Карповъ не считалъ возможнымъ воспользоваться безъ провѣрки даже такою общепринятою идею о человѣкѣ, какъ идея микрокосма. «Не рѣшаемся, говорилъ онъ, преждевременно утверждать, что многовѣковая мысль о микрокосмѣ вполнѣ справедлива: потому что и она также представляется выражениемъ идеи и требуетъ по-вѣрки»³⁾.

Это требование, чтобы въ основу психологіи были положены факты внутренняго опыта, нельзя не поставить въ особенную заслугу В. Н. Карпова. Въ его время господствующими были психологія Гербарта и Бенеке. А извѣстно, какое второстепенное значение придавали опыту эти психологіи, построенные на метафизическихъ предположеніяхъ. В. Н. Карповъ оказался чуткимъ къ новымъ, болѣе живымъ, вѣяніямъ въ области психологіи, пачавшимся въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Онъ не устрашился авторитета Гербарта и Бенеке и провозгласилъ, что источникомъ науки психологіи долженъ служить внутренній опытъ, свободный отъ преевзятыхъ мнѣній.

Но съ другой стороны, не подлежитъ никому сомнѣнію, что совершенно безъидейное опытное изслѣдованіе не возможно. Самъ по себѣ опытъ даетъ лишь сырой, безсвязный матеріаль. Чтобы матеріаль этотъ представлять изъ себя нѣчто разумное и понятие для мысли, нужно обращаться къ нему съ разумными вопросами, т. е. имѣть какіе-либо руководящія идеи. Посему требование научнаго беспристрастія нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто оно исключаетъ въ опытномъ изслѣдованіи всякое участіе заранѣе составленныхъ идей. Оно

¹⁾ Ibid., стр. 209.

²⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 211.

³⁾ Ibidem.

запрещаетъ пользоваться лишь ложными или предвзятыми идеями, не имѣющими для себя твердой почвы. Противъ правильныхъ же идей оно ничего не можетъ имѣть, ибо такія идеи составляютъ *conditio sine qua non* всякаго истиннаго прогресса научнаго знанія. И чѣмъ обширенѣе эти идеи, тѣмъ плодотворнѣе ихъ значеніе. Изъ всѣхъ наукъ, какъ извѣстно, достигла наибольшаго развитія астрономія. Но своимъ развитіемъ она обязана мѣтко схваченной, широкой идеѣ Коперника. «Коперникъ, построя теорію солнечной системы, всю надежду своего построенія основывалъ на предположеніи: не могутъ ли начертанными имъ законами движенія небесныхъ тѣлъ быть объяснены всѣ явленія звѣздного неба и решены всѣ вопросы, не разрѣшимые по началамъ прежнихъ космологическихъ построеній? Съ того времени предначертаніе Коперника сдѣжалось предметомъ прорѣрокъ, и, дѣйствительно, донынѣ оправдывается астрономическими наблюденіями; предположеніе его вошло въ рядъ истинъ почти несомнѣнныхъ, и система его устоялась»¹⁾). Примѣру астрономовъ должны послѣдовать и психологи. Но откуда они могутъ взять руководящія идеи о душѣ?

Ближайшимъ источникомъ такихъ идей долженъ, конечно, служить внутренній опытъ. «Психология обязана, смотря по количеству накопившихся фактovъ, порою дѣлать общиа наведенія и чрезъ нихъ вызывать идеи для философскаго синтеза»²⁾). Но идеи, основанныя исключительно на опытныхъ обобщеніяхъ имѣютъ, по большей части, очень ограниченное примѣненіе, почему надѣяться при помощи ихъ проникнуть въ тайники человѣческой души, едва ли возможно. «Въ опытѣ, говоритъ В. Н. Карповъ, мы видимъ всегда дѣятеля медленнаго, робкаго, недальновиднаго... Опь идетъ шагъ за шагомъ, ощупью, отъ явленія къ явленію, и трудясь теперь, не знаетъ, что будетъ потомъ, работая здѣсь, не предвидѣть, что встрѣтится тамъ; его дѣло—разсматриваніе чего-то, еще неопределеннаго, по частямъ, чтобы наконецъ найти общій ихъ итогъ и опредѣлить имъ цѣлое. Посему оставлять психологію съ однимъ внутреннимъ опытомъ и сознаніемъ значитъ обрекать ее на трудъ, собственно говоря, нескончаемый, требующій дѣятельности не одного человѣка, а цѣлаго человѣчества, не годовыхъ усилий,

¹⁾ О самопознаніи, стр. 29.

²⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 213.

а многовѣковыхъ подвиговъ»¹⁾). Между тѣмъ жизнь не ждетъ. И нравственные вопросы, тѣсно связанные съ вопросомъ о человѣческой душѣ, требуютъ немедленнаго разрѣшенія. Получается затрудненіе, изъ котораго необходимъ выходъ, ибо иначе нравственные потребности человѣка должны будутъ остаться безъ удовлетворенія. Гдѣ же этотъ выходъ?

В. Н. Карповъ былъ глубоко убѣжденъ въ истинности Божественнаго Откровенія. Онъ видѣлъ въ немъ драгоцѣнную сокровищницу необходимыхъ для нравственной жизни истинъ, до которыхъ самъ человѣкъ своимъ ограниченнымъ умомъ никогда не могъ бы дойти. Поэтому онъ считалъ обязанностью каждого человѣка, при решеніи нравственныхъ вопросовъ вообще и вопроса о человѣческой природѣ въ частности, руководиться откровеннымъ ученіемъ. «Астрономы, говорить онъ, чтобы возвысить силу органическаго зрѣнія, придумали телескопы. Для возвышенія силы зрѣнія нравственно у человѣка также есть орудіе. Только это орудіе не подобное, а инородное, не чувственное, а духовное, не искусство, а благодатное; это око души, просвѣтленной вѣрою, которая дивно возвышаетъ силу сознанія и обличаетъ предъ нимъ существо вѣшей невидимыхъ. При свѣтѣ сего Божественнаго вопроса наука самопознанія никогда не уклонится отъ истины и, сколько можно человѣку видѣть, увидѣть и разгадаетъ тайны душевной жизни; ибо въ этомъ случаѣ человѣкъ будетъ измѣрять себя не самимъ собою, а безконечнымъ умомъ Того, которымъ существуетъ и движется»²⁾.

Такимъ образомъ второе требование, которое должно быть предъявлено къ психологіи, состоитъ въ томъ, чтобы путеводною звѣздою, освѣщающею ея изслѣдованія, служило откровенное ученіе о человѣческой природѣ.

По ученію Божественнаго Откровенія, человѣческая природа состоитъ изъ двухъ началъ: изъ духа, созданнаго по образу Божію, и персти, взятой отъ земли³⁾). Это ученіе, на-

¹⁾ Вступительная лекція въ психологію, стр. 212.

²⁾ О самопознаніи, стр. 31.

³⁾ Эти два начала соединены въ одну сознательную личность, которая въ Св. Писаніи называется душою живою. Отсюда встречаются въ Св. Писаніи мѣста, въ которыхъ говорится о душѣ, духѣ и тѣлѣ че- ловѣка. Такъ апостолъ Павелъ, говоря о дѣйственности слова Божія, приписываетъ ему силу проходить до разрѣшенія души и духа, а выражая свои благожеланія вѣрнымъ, молитъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ совер-

меки на которое можно видѣть уже въ нѣкоторыхъ языческихъ религіяхъ и философскихъ системахъ¹⁾, находить для себя полное подтвержденіе въ нашемъ внутреннемъ опыте.

шеними и духъ ихъ, и душу, и тѣло. Такимъ образомъ по смыслу Св. Писания, жизнь принадлежитъ душѣ, а духъ и тѣло суть начала, образующія эту жизнь и дающіе ей такое или иное направленіе.

Выходя изъ этого ученія, В. Н. Карповъ дѣлилъ всѣ душевныя явленія на три группы: на явленія *животной*, *духовной* и *формальной* жизни. Изъ нихъ фактическая жизнь души, въ условіяхъ земного существования, слагается собственно изъ явленій формальной жизни. Жизнь же животная и духовная существуетъ лишь въ отвлеченіи, какъ два полюса, къ которымъ можетъ приражаться формальная жизнь. Формальная жизнь характеризуется тѣмъ, что она совершается въ условіяхъ пространства и времени и освѣщается сознаніемъ и самосознаніемъ. Пространство и время составляютъ какъ бы атмосферу формальной жизни. Безъ нихъ не были бы возможны ни представленія, ни желанія, ни понятія о вещахъ, какъ не возможны никакія чувственныя отрѣвленія жизни безъ воздуха. А сознаніе и самосознаніе являются свѣточами, или спѣтильникомъ, который озаряетъ и то, что входитъ въ сферу формальной жизни извѣтъ, и то, что дѣлается въ самой этой сфере. Формальная жизнь имѣеть двѣ стороны: теоретическую и практическую познавательную и дѣятельную. Дѣятельно-практическая сторона распадается въ свою очередь на двоякаго рода явленія: на чувствованія и явленія воли.

¹⁾ Въ подробномъ конспектѣ лекцій по психологіи, написанномъ рукою В. Н. Карпова и сохраняющемся у его сына, читаемъ: «„Конфуцій учить, что все находящееся въ небѣ и на землѣ, соединено въ человѣкѣ въ одно лицо; потому что человѣкъ состоитъ изъ разумной души, въ которой выражается преобладаніе небеснаго начала, и изъ тѣла, въ которомъ преобладасть начало земное; а равновѣсіе того и другого начала заключается въ низшей душѣ. Подобно этому о духѣ говорилъ и Зороастръ. По его словамъ, человѣкъ получаетъ тѣло и оживотворяющую его душу изъ крови и сѣмени родителей, но разумный духъ его, во время тѣлеснаго рожденія, сходитъ съ неба. И египтяне равнымъ образомъ полагали, что духъ происходитъ изъ божественной субстанціи, а душа — изъ области неба; послѣдняя низводить насъ въ кругъ многообразія и подвергаетъ вліянію рока, а первый связуетъ съ вѣчнымъ первоединствомъ и освобождаетъ отъ власти рока. Индійские истолкователи Ведь утверждали, что душа, съ одной стороны, есть божественная сущность и самый внутренній ея движитель, а съ другой она — начало похотливое, действующее пятью чувствами и потому связанное съ матеріей... Платонъ говорилъ, что противное тому, чѣмъ бываетъ душа чрезъ духъ, обнаруживается только своимъ направленіемъ къ тѣлесности; что то, что въ пожелательной, равно какъ и въ животной душѣ, возбуждается жажду къ питью, должно быть инымъ и отличнымъ отъ начала господствующаго, которое своимъ могуществомъ нерѣдко удержи-

Внутренній опытъ свидѣтельствуетъ, что душевная жизнь человѣка представляетъ собою соединеніе противоположностей — единаго и многаго, неизмѣннаго и измѣняемаго, разумнаго свѣта и неразумной тьмы, свободы и необходимости, тяготѣнія къ безконечному Богу и къ конечнымъ предметамъ міра. Состоя изъ противоположностей, человѣкъ постоянно испытываетъ внутреннюю борьбу съ самимъ собою: высшія начала стремятся въ немъ взять верхъ надъ низшими и наоборотъ. И смотря по тому, какія изъ нихъ получаютъ преобладаніе, самая жизнь принимаетъ направленіе идеальное или низменное, религиозно-нравственное или чувственно-животное.

Эти направленія не могутъ быть безразличны для науки о душѣ.

При направленіи религиозно-нравственномъ человѣкъ бываетъ больше всего заинтересованъ своимъ внутреннимъ міромъ. Онъ слѣдить за всѣми движеніями своей души, оцѣниваетъ ихъ, открываетъ въ нихъ недостатки, борется съ пими и вызываетъ къ жизни все новыя и новыя стороны своего духа. Жизнь такого человѣка полна самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ явлений и даетъ весьма богатый матеріалъ для заключеній о чисто-человѣческихъ свойствахъ души.

Совсѣмъ другую картину представляетъ жизнь человѣка, предданного чувственнымъ, земнымъ интересамъ. Его вниманіе все время сосредоточено на виѣшнихъ предметахъ. Оторваться отъ нихъ и обратиться къ созерцанію внутренняго міра ему и трудно, и не хочется. Для него «слово, призывающее къ самопознанію, говоритъ В. Н. Карповъ, однозначительно съ зовомъ, которымъ дитя, бѣгающее по цвѣтистому лугу и гоняющееся за мотылькомъ, призываютъ домой»¹⁾). Зачѣмъ идти домой, думаетъ подобный человѣкъ, когда «свѣтъ со всѣми его обаяніями, пріамками, надеждами, удовольствіями такъ прекрасенъ!.. Волѣ тамъ.. ослѣпляютъ зрѣніе фантомы богатства... Неужели не стоитъ труда достигнуть этого сокровища?.. И искатель философскаго камня неутомимо бѣжитъ за блестящимъ метеоромъ,

иаеть отъ питья. То же читаемъ и у Аристотеля: подъ началомъ въ человѣкѣ познающимъ разумѣеть онъ энтелекію, проникнутую духомъ и противоположную тому, что такое она безъ духа, поколику существуетъ только чреазъ тѣло и въ тѣлѣ».

¹⁾ О самопознаніи, стр. 17.

пока не успокоится подъ камнемъ могильнымъ. Вотъ отсюда идетъ тропинка на высокую гору, облитую радужнымъ сияніемъ почестей, славы и власти. Неужели не стоитъ всевозможныхъ усилий подняться на ту высоту.., чтобы жизнь.. сдѣлалась показаніе, выпуклѣе и для всѣхъ замѣтнѣе? И маленький кесарь.. идетъ, спотыкается, падаетъ, поднимается, снова падаетъ и снова поднимается, пока не приблизится смерть и не скажетъ ему: ты отъ земли и земля твой удѣль! Вотъ здѣсь средоточіе большаго стеченія народа, откуда доходятъ до слуха.. шумныя выраженія увеселеній, громкое эхо восторговъ. Неужели не стоитъ нѣсколькихъ часовъ времени, чтобы вмѣшавшись въ эту веселую толпу, раздѣлить съ нею ея радость? И новый Аристиппъ.. заботливо рыщетъ отъ удовольствій къ удовольствіямъ, пока не изсякнетъ живое чувство, не притупится вкусъ и на днѣ вышиваемой чаши не ощутится горький убийственный осадокъ. А что тамъ — далеко, далеко, гдѣ съ землею какъ будто сходится небо?.. Тамъ конецъ земли и начало неба; тамъ должны разрѣшиться всѣ загадки бытія; тамъ послѣднее торжество науки, тамъ апoteозъ ума... И всесвѣтный изслѣдователь терпѣливо идетъ, по тернистому по-прищу ученыхъ трудовъ.., пока возникающіе одни за другими неразрѣшимые вопросы, и какъ бы насмѣхающіяся надъ его усилиями непримириимыя противорѣчія, не убѣдятъ его въ слѣпотѣ и невѣжествѣ¹⁾). И перебѣгаetъ человѣкъ отъ одного внѣшняго предмета къ другому, а вернуться домой и заглянуть въ бѣдную хижину своей души ему не хочется и нѣть времени. Но если бы онъ и обратился къ своему внутреннему миру, то здѣсь ничего не нашелъ бы, кроме чувственныхъ образовъ и низкихъ страстей. А если бы онъ вздумалъ изъ этихъ материаловъ построить психологію, то получилась бы у него психологія скотская, отожествляющая душу человѣка съ душою безсловесныхъ животныхъ и узаконяющая скотскій образъ жизни.

Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Когда въ обществѣ ослабѣваетъ религіозное чувство и усиливаются своекорыстіе и погоня за роскошью и чувственными удовольствіями, тогда дѣлаются господствующими матеріалистическія возврѣнія. Тогда изслѣдователи не только не прибѣгаютъ къ самопозна-

¹⁾ О самопознаніи, стр. 17 18.

нію, но и отрицаютъ самую возможность его. Въ это время, замѣчаетъ В. Н. Карповъ, «люди, которые, по глубокости своихъ убѣжденій, не спѣшатъ или даже вовсе не хотятъ увлекаться потокомъ современныхъ заблужденій, и крѣпко держатся чистоты психологическихъ своихъ понятій», получаютъ бранную кличуку «рутинеровъ». «А если въ числѣ такихъ рутинеровъ явится умъ сильный, характеръ непоколебимый, и вздумаетъ своими началами, будто оплотомъ, остановить потокъ вредныхъ и гибельныхъ мнѣній, то оплотъ его будетъ сорванъ — иногда вмѣстѣ съ его жизнью, и высокія его идеи скроются въ пыли библіотекъ до временъ болѣе благопріятныхъ, какъ драгоцѣнныи подарокъ поколѣніямъ позднѣйшимъ»¹⁾.

Отсюда вытекаетъ третье общее требованіе по отношенію къ способу разработки психологіи. Психологію должны разрабатывать лишь тѣ лица, которые развили въ себѣ высшія стороны человѣческаго духа и выработали высокое религіозно-нравственное настроеніе. А въ комъ этого нѣтъ, тотъ долженъ напередъ просвѣтить свою душу и очистить ее отъ оскверняющихъ нечистотъ и только тогда браться за разработку науки психологіи.

Изъ сказанного можно видѣть, какими высокими идеалами былъ воодушевленъ В. Н. Карповъ. Онъ не желалъ гнаться ни за удовольствіями, ни за богатствомъ, ни за высокимъ служебнымъ положеніемъ, ни за показною ученостью. У него была одна цѣль — осуществить въ своей жизни и ученой дѣятельности идею нравственного добра. Предъ такимъ идеальнымъ настроениемъ В. Н. Карпова нельзя не преклоняться. С.-Петербургская духовная академія можетъ гордиться, что въ ней подвизался болѣе 40 лѣтъ такой профессоръ. Пускаясь въ безбрежное море психологическихъ изслѣдованій, В. Н. Карповъ, подобно опытному капитану, особенно заботился о томъ, чтобы на его суднѣ были — морская карта, компасъ и достаточное количество топлива. Карта это — Божественное откровеніе, компасъ — чуткое нравственное сознаніе, а топливо — ученый аппаратъ. И мы должны отдать ему справедливость. При этихъ средствахъ не должны быть страшны пловцу-психологу ни бури, ни подводные камни, лежащіе на днѣ общеч-

¹⁾ О самопознаніи, стр. 28—29.

ственной жизни. Онъ твердо пойдетъ къ намѣченной цѣли. В. И. Карпову было нечего бояться, что такое глубокое воззрѣніе его затеряется въ библіотечной пыли. Какъ никогда не изгладится въ человѣкѣ образъ Божій, такъ никогда не забудется и это воззрѣніе В. И. Карпова.

Виталій Серебренниковъ.

III. Объ общемъ характерѣ логики Карпова.

Построеніе теоріи, созданіе науки, по Карпову, есть дѣло ума философскаго.

Цѣльный и послѣдовательный философскій умъ самого Карпова, естественно, не могъ не сказаться своими характерными особенностями и при построеніи логической системы

Еще за 16 лѣтъ до печатанія «Логики» философъ нашъ въ своемъ «Введеніи въ философію» высказался за принципъ «синтетизма» въ систематическихъ построеніяхъ. Не найдемъ ли признаковъ этого же направленія и въ логической системѣ того же мыслителя?

Въ логической литературѣ настоящаго столѣтія, — послѣ и отчасти по почину Канта, — постоянно при оцѣнкѣ характера логической системы, выставляются двѣ главныя общія мѣрки: формальная ли это логика или реальная? Для определенія того или другого направленія данной логической системы обращается вниманіе на то, какъ составитель послѣдней береть и понимаетъ предметъ и задачу логики, и какой предпочитаетъ методъ.

Карповъ самъ относить логику вообще къ наукамъ *формальнымъ*, наравнѣ съ грамматикой, математикой, архитектоникой и друг., — почему? потому что она — логика — «занимается формами», подъ которыми взаимно соединяются какіе-либо материалаы мышленія.

Повидимому въ этомъ признаніи Карпова заключается несоответствіе тому, чего мы ожидаемъ отъ философа, который такъ горячо стоитъ, въ систематическихъ построеніяхъ, за синтезъ идеального съ реальнымъ, субъективнаго съ объективнымъ? Мы задаемся вопросомъ: каковъ же это «форма-

лизмъ» логики, и въ какой связи стоитъ онъ съ синтетизмомъ философіи Карпова? Этотъ вопросъ умѣстенъ при почитаніи памяти ученаго логика въ настоящее время, когда всякое, похожее на отдачу нѣкоторой части, разъясненіе правъ формальной логики сочтено можетъ быть анахронизмомъ,—чѣмъ тѣ, лишеннымъ даже исторического интереса. Въ виду этого вопроса мы и обращаемъ прежде всего вниманіе на то указанное выше обстоятельство, что Карповъ сравниваетъ логику съ математикой.

Сближеніе логики съ математикою дѣлаться можетъ уже на основаніи тожества самого общаго понятія формы и самого общаго отличія формы отъ матеріи, хотя бы то и другое бралось въ отношеніи не только логики и математики, но также и при сравненіи логики съ грамматикою, архитекто- никою и т. п. У Карпова же соотношеніе логического элемента именно съ математическимъ въ попыткѣ формы представляется болѣе тѣснымъ. По нему «во всякомъ выраженіи мысли форма мышленія дается въ двоякомъ значеніи: въ математическомъ и логическомъ». Но и различіе этихъ всегда соприсутствующихъ значеній формы проводится Карповымъ настойчиво. «Форма мышленія какъ логическая показываетъ взаимное средство или несродность частей какой-либо опредѣленной матеріи, а какъ математическая—она исключаетъ всякую опредѣленную матеріальность, и имѣть въ виду только отношеніе какихъ бы то ни было предметовъ». Формы пространства и времени, служащія предметомъ математическаго мышленія, составляютъ необходимую атмосферу дѣятельности разсудка и въ мышленіи логическомъ. Но мыслить логически не то же, что мыслить математически: въ первомъ случаѣ разсудокъ соединяетъ качественные черты предметовъ, «матеріальные примѣты», найденные въ представлніяхъ; во-второмъ — количественные черты, «признаки формальные». Математическое мышленіе развивается особымъ, ему одному свойственнымъ способомъ. Математической моментъ, правда, вводится Карповымъ и въ самую идею закона, управляющаго матеріалами и условіями мышленія—и обезпечивающаго мышленію правильность и цѣлесообразность. Но математичность закона въ данномъ случаѣ означаетъ съ одной стороны разсудочность закона какъ независящую отъ той или другой опредѣленности «матеріальныхъ примѣтъ» представленій, съ другой стороны и въ связи и съ этимъ она

означаетъ достоинство всеобщности и необходимости, каковое должно принадлежать логическимъ — какъ нормативнымъ — формамъ мышленія. Во всякомъ случаѣ все это не означаетъ у Карпова собственно подчиненія логики математикѣ на какое-либо подобіе того, какъ это явленіе было и есть въ одной вѣтви англійской логической школы. Возможно, что Карповъ сравненіе логической формальности съ математическою сдѣлалъ не безъ знакомства съ Гербартіанской школою, отъ которой однако его логика существенно отличается. Но и самое сближеніе-то вообще логического съ математическимъ въ логической литературѣ дѣлалось — и можетъ дѣлаться — не для защиты правъ формальной только логики, а также и для вывода правъ реальной логики. Такимъ образомъ само по себѣ сличеніе логики съ математикою не можетъ еще служить рѣшительнымъ аргументомъ для признанія и Карповскаго способа обработки логики формалистическимъ. — Всмотримся ближе въ специальный предметъ логики.

Логика, когда показываетъ, какія формы можетъ принимать наше мышленіе при всякой данной матеріи, дѣлаетъ это, по Карпову, съ тою цѣлью, «чтобы видѣть потомъ, какія изъ возможныхъ формъ послѣднее должно принять въ извѣстномъ случаѣ», — согласно съ направленіемъ силъ души, стремящихся *познать* какой-нибудь предметъ и проявить свое познаніе о немъ». Т. е. логика хотя и не въ состояніи обогатить насть фактами, которые приобрѣтаются чрезъ дѣятельность чувствъ и созерцанія ума, — все же она самое мышленіе береть въ отношеніи его къ цѣли — познанію реальныхъ предметовъ и проявленію этого познанія. Естественная и нормативная цѣль мышленія, служащаго предметомъ логики, есть стремленіе разсудка развить свою логическую форму такъ, чтобы она, какъ выражается нашъ философъ, по возможности, «совпадала съ вещественною формою бытія предмета».

Это и есть первая черта логической концепціи мышленія, способная уже роднить формальное направленіе съ реальнымъ. Дѣло въ томъ, что передъ Карповымъ, и около времени появленія въ печати его логики, выступали за границей такие взгляды, что мышленіе вѣдается и рассматривается логикою совершенно безотносительно къ какимъ-либо предметнымъ цѣлямъ, что это логическое мышленіе не разсчитано не только на познаніе, но даже и на существованіе вещей. «Мыслящая природа духа, — говорилъ около того времени

одинъ нѣмецкій ученый логикъ, — имѣла бы тѣ же законы еслибы и не было вещества, или еслибы не было у духа—даже какъ случайной цѣли—познанія существующаго». — Вотъ черта крайняго завзятаго формализма въ логикѣ, когда послѣдняя своимъ, такъ сказать, специальнымъ идеаломъ считается истинность или правильность мышленія рѣзко и исключительно формальную, т. е. лишь какъ согласіе послѣдняго съ самимъ собою. Этой черты вѣтъ у Карпова. Въ самомъ дѣлѣ его логика имѣть въ виду мышленіе какъ живой реальный фактъ; логика, по нему, имѣть быть лишь «истолковательницей природной способности». И самъ опять свидѣтельствуетъ, правда, что мышленіе еще не есть познаніе (почему и Карповъ различаетъ ихъ одно отъ другого); однако — развѣ живое, дѣйствительное мышленіе можетъ когда-либо быть совершенно чуждо интересу какого-либо познанія—или проявленія познанія—теоретического или практическаго? Потому сознаніе Карпова въ логикѣ такъ занято идеей истины и истины неформальной, что самый предметъ логики, повидимому очерченный было формалистически,—мышленіе—со стороны, однако, своихъ и условій, и законовъ, и природы — рассматривается прямо въ существенной связи съ этой идеей познавія, съ идеей истины реальной.

Обыкновенно, чертою формализма въ логической концепціи мышленія служить то, когда мышленіе берется со стороны *однѣхъ формъ* безотносительно къ содержанию или матеріи ихъ. Повидимому, съ этой стороны логика Карпова исключительно и чисто формальна: въ ней вѣдь говорится, что она занимается формами, подъ которыми взаимно соединяются какіе-либо, т. е. какіе бы то ни было, матеріалы мышленія. — Однако же по Карпову форма мышленія, хотя и отлична отъ его матеріи, все же она эту матерію «непремѣнно вносить въ существо свое». Далѣе. Логика, по Карпову, имѣть дѣло не съ формами только, но и съ продуктами дѣятельности разсудка¹⁾; эти продукты и называются у Карпова «мыслимыми». Допустимъ, что въ этомъ «мыслимомъ» умственное и чувственное недѣлимое «не имѣютъ своей собственной жизни», — что въ немъ обращается вниманіе только на взаимное по субъектив-

¹⁾ И, конечно, съ самою дѣятельностью,—т. е. съ ея процессомъ — со стороны самыхъ его пріемовъ: понятіе „формы“ мышленія у Карпова — чаше—однозначнѣе съ понятіемъ „пріема“ этой дѣятельности.

нымъ правиламъ отношение признаковъ, которые «отрѣшены отъ всего, подлежащаго уму и чувству». Съ первого взгляда сейчасъ же покажется формализмомъ и какъ бы неестественностью эта отрѣшенность недѣлимыхъ и ихъ признаковъ отъ всего конкретнаго. Но во-1-хъ, по Карпову, мыслимое, не теряя своей формальности, одною стороною хотя обранено къ разсудку, другою — обращено къ условіямъ и начальамъ «объективнаго его существованія», и — признаки мыслимаго, прежде чѣмъ они перешли въ область разсудка, были «матеріальными свойствами вещей, и получивъ въ нихъ это значеніе, удерживаютъ его и въ мыслимомъ». Во-2-хъ — попробуемъ войти въ логическую представимость — примѣрно — понятія какъ такого, или въ психологическо-метафизической эквивалентъ его: какъ очертили бы мы его въ своемъ сознаніи и какъ опредѣлили бы его? Положимъ, мы сказали бы, какъ это говорить и реальная логика, что понятіе есть совокупность существенныхъ признаковъ предмета: это вѣрно, но это знаетъ и Карповъ... А мы то что: сказали о понятіи какъ будто пояснѣе, поконкретнѣе? Но вѣдь подъ понятіемъ разумѣется нѣкоторое единство — цѣльный предметъ, а не что то просто скученное, просто-собирательное. Спрашивается: какая же форма сознанія болѣе или менѣе близко удовлетворяетъ напимъ словамъ о совокупности существенныхъ признаковъ предмета? Представленіе — какъ результатъ болѣе или менѣе живаго воспріятія этого предмета, съ чертами именно отъ данного случая, или данныхъ случаевъ воспріятія? Но во-1-хъ это будетъ частное явленіе уже познанія, а не просто мышленія, и во-2-хъ образъ такого представленія будетъ очень конкретенъ, очень связанъ частными условіями, для того чтобы ему имѣть значеніе логически всеобщаго и необходимаго. Воспользуемся ли здесь, на выручку, такъ называемымъ «общимъ» представленіемъ? Но вѣдь если этому нашему новому слову соотвѣтствуетъ какой психологическо-метафизической эквивалентъ, то это и значитъ что говоря словами Карпова — мы беремъ предметъ, или чувственное недѣлимо «не въ его собственной жизни» и что признаки его беремъ «отрѣшенно отъ всего подлежащаго уму и чувству». Такимъ образомъ и выйдемъ на повѣрку, что въ Карповскихъ опредѣленіяхъ логическихъ продуктовъ разсудка есть не формализмъ, а лишь стремленіе точнѣйшими мыслью и языкомъ суммарно и скжато выразить то, что другая логика назвала и опредѣл-

лила бы хотя короче, но за то не входя болѣе тщательнымъ анализомъ и синтезомъ въ существо логическихъ образованій. Какъ можно большая «конкретность», преобладаніе разъясненій на «примѣрахъ», — есть обычный, особенно похваляемый, пріемъ такъ-называемыхъ практическихъ, педагогическихъ и т. п. руководствъ по наукѣ о мышлѣніи. Но нѣтъ ли въ этомъ пріемѣ стремленія, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой степени, избѣгать трудностей, съ какими соединяется болѣе прямое и точное опредѣленіе предмета? Логика Карпова не страшилась и не избѣгала трудностей представлениія и языка отвлеченного, гдѣ это требовалось по существу дѣла¹). Но отвлеченный способъ представлениія еще не есть формалистический. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и справедливо было бы смотрѣть на Карповскія опредѣленія, — какъ общаго предмета логики, такъ и на всѣ частнѣйшія его логическая и логическо-техническія опредѣленія, способныя казаться особенно сухими и формалистичными, въ специальному отдельѣ о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ.

Карповъ, повидимому, береть въ логикѣ формы мышлѣнія какъ только уже готовыя образованія. Подобный пріемъ также считается обыкновенно характернымъ именно для формальной логики. Но строго-то говоря: что собственно и отличаетъ дополнительное существо той или другой науки, какъ не готовыя уже ея истины, положенія, правила? Процессъ образованія этихъ положеній относится къ моменту еще лишь пріобрѣтенія познаній, и входить въ этотъ процессъ изучающему или преподающему, разъясняющему или провѣряющему положенія науки бываетъ и интересно и важно и удобно для лучшаго и сознательнѣйшаго усвоенія науки. Но вѣдь это все — другое дѣло, и — прямо не относится къ существу, къ бытію науки, какъ уже образовавшейся. Этими замѣчаніями мы не хотимъ оправдать какого-либо догматизма въ постановкѣ науки вообще и логики в частности, но желаемъ лишь осмыслить историческій фактъ явленія и устойчивости формальныхъ обработокъ ло-

¹⁾ Мы не хотимъ всѣмъ этимъ сказать, чтобы и Карповъ не имѣть особенной привычки къ „примѣриямъ“ иллюстраціямъ: напротивъ, у него самого этотъ элементъ (въ опредѣленіи и понятія и проч., — элементарныхъ и систематич. формъ), — какъ и вообще „педагогической“, въ широкомъ и глубокомъ смыслѣ этого слова, — примѣняется въ логикѣ не рѣдко, а въ отдельѣ систематики особенно часто.

гики. Не надо — при этомъ — смѣшивать догматизма въ процессѣ образованія установки и оправданія науки съ догматизмомъ изложенія науки. Философія специально, эмисентнымъ образомъ, именуемая критическою по обработкѣ и установкѣ истинъ ея (какова философія Канта) прямо однако считаетъ догматизмъ нужнымъ и въ ея наукѣ объ априорныхъ принципахъ познанія. И вообще догматизмъ не есть еще формализмъ.

Да и точно ли самыя формы и нормы мышленія — какъ типичныя, какъ всеобщія и необходимыя образованія разсудка, въ логикѣ Карпова совсѣмъ не подлежать никакому выводу? Нѣтъ. Нашъ философъ цѣлый первый отдѣлъ логики посвящаетъ изложению своей теоріи знанія. Этотъ отдѣлъ самъ онъ называетъ вообще психологическимъ, но въ немъ, безъ сомнѣнія, есть и метафизический элементъ. Здѣсь, съ психологической и метафизической точки зрѣнія устанавливаются и раскрываются условія и законы логического мышленія, здѣсь выдвигается на видъ элементъ не только субъективный, но и объективный, опредѣляющій возможность для логического мышленія быть въ согласіи съ реальнымъ бытіемъ. Въ этомъ отдѣлѣ Карповъ укладываетъ основаніе своей логической системы, къ нему отсылаетъ онъ и во второмъ отдѣлѣ объ элементарныхъ формахъ мышленія, о понятіяхъ, особенно категоріяхъ, о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ, — къ нему обращается онъ и въ третьемъ, послѣднемъ, отдѣлѣ — о систематическихъ формахъ и нормахъ мышленія. И вотъ эта-то психологическо-метафизическая дедукція условій и законовъ мышленія характеризуетъ всю логику Карпова, по ея основѣ, какъ имѣющую безспорный реальный элементъ. Виновникъ философски-принципіального обособленія формальной логики отъ реальной,—Кантъ (и Гербартъ послѣ него) отвергалъ введеніе въ логику психологического и метафизическаго элементовъ. Такому взгляду слѣдовала, — иногда съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, — и Кантовская школа, какъ и Гербартіанская. Карповъ однако не сталъ на ея сторону, не смотря на то, что до его логики въ русской литературѣ распространялись уже переводныя руководства по логикѣ въ духѣ этой школы, да и въ иностранной литературѣ еще была сильна эта логическая школа.

Познавательно-теоретическій отдѣлъ логики Карпова, не говоря уже объ отдѣлѣ систематики, свидѣтельствуетъ, что

Карповъ въ построениі логики не думалъ сторониться отъ связей съ опытомъ, не думалъ ограничиваться методомъ априорныхъ дедукцій или однимъ анализомъ. Между тѣмъ формальную логику въ собственномъ смыслѣ, т. е. желающую и въ самомъ дѣлѣ принципіально защитить и провести себя послѣдовательно,— ее по методу характеризуетъ отрѣшенность отъ опыта, отъ синтетического элемента. Карповъ же не могъ предпочесть въ логикѣ одинъ априористической элементъ— уже потому, что, по его теоріи, нѣть и не можетъ быть мышленія, какъ только мышленія априори, равно нѣть, по нему, и мышленія какъ только апостеріори: въ мышленіи всегда оба эти элемента даны вмѣстѣ, органически связно. — Нѣть нужды, при оцѣнкѣ логики Карпова говорить о преимуществахъ синтетического метода въ его воззрѣніи, потому что это зна- чило бы касаться и особенностей вообще синтетизма, какъ цѣлаго направлениія всей его философской мысли. Да и что сказать можно объ этихъ преимуществахъ какъ не то, что синтезъ самъ по себѣ настолько выше анализа, насколько цѣльность выше раздробленности, разложенія, пасколько жизнь выше смерти. Но нельзя сейчасъ же и умолчать объ этой особенности логики по крайней мѣрѣ какъ о фактѣ.

Нельзя умолчать, наконецъ, о томъ, что послѣдовательность и цѣльность логически-синтетического настроенія мысли Карпова сказывается существенно и ярко и въ его книгѣ по логикѣ, какъ и во всѣхъ его прочихъ трудахъ. Карповъ слишкомъ цѣльнымъ логикомъ является вездѣ во всѣхъ своихъ аргументаціяхъ, во всѣхъ выясненіяхъ положительныхъ истинъ и въ опроверженіяхъ научныхъ противниковъ. Потому-то онъ и въ критикѣ Канта такъ сказать не можетъ переварить раздѣленій теоретического элемента отъ практическаго, априорного отъ апостеріорного. (Вотъ почему его критика иногда можетъ показаться неточной, небьющей въ цѣль). И здѣсь, въ логикѣ, Карпова, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, рельефно проявляется религіозно-нравственный моментъ въ фундаментѣ его философскаго синтетизма. Логическое, какъ такое, онъ расположенье родить съ этическимъ потому, что такова самая концепція главной въ логикѣ идеи— идеи объ истинномъ. И вотъ съ идеями-то истины и добра (которые выступаютъ и въ логикѣ Карпова обыкновенно вмѣстѣ, какъ одна двусторонняя идея), съ этимъ «образомъ безконечнаго и вѣчнаго въ нашей душѣ», съ этой «печатью безусловнаго», Бога религіи, вмѣстѣ съ

вѣрой въ церковь, въ начала національной—русской жизни, съ этимъ достояніемъ научныхъ и философскихъ убѣжденій—Карповъ въ логикѣ и логика въ Карповѣ—представляетъ иѣ—которое органическое цѣлое, живое единство, которое кто назоветъ эпитетомъ чистаго формализма?!

Нѣтъ,—какъ характеръ личности нашего философа не былъ характеромъ формалиста, такова его и логика. Она не утратила еще своего научно-философскаго интереса и значенія. Къ ней приложима идея логики, какъ самосознанія науки въ самомъ глубокомъ смыслѣ слова. А если ей нужно специальное пмѧ, то мы, на основаніи вышесказанного, въ правѣ заимствовать его изъ цѣлой философской системы нашего мыслителя. Именно: какъ философское начало синтезизма называется Карповъ «*формально-реальнymъ*», какъ нравственное начало по своему пониманію, опѣй называется «*формально-матеріальнымъ*», какъ и мышленіе, служащее предметомъ логики, опѣй представляетъ также формально-матеріальнымъ: такъ и всей логикѣ его по праву приличествовать можетъ это же имя и достоинство¹⁾.

Ал. Высокоостровскій.

IV. Заслуги проф. Василія Николаевича Карпова для русской философской мысли²⁾.

Столѣтіе со дня рожденія покойнаго профессора философскихъ наукъ въ напей академіи В. Н. Карпова падаетъ на такой годъ, когда начало свое фактическое существованіе основанное при С.-Петербургскомъ университѣтѣ философское

¹⁾ Такъ образъ общиій формальный характеръ предмета логики, по которому она—и у Карпова называется „формальной наукой“, не ведеть еще къ формальному или формалистическому способу представления и обработки самого этого предмета. Ибервегъ также называется логику eine formale Wissenschaft. и однако его логика, въ виду ея познавательнопотеретического элемента, имѣть характеръ и значеніе реальной или (говоря терминомъ Ибервеговой системы) „идеально-реальной“.

²⁾ Въ собраниі 12 апрѣля рѣчь эта читалась съ сокращеніями.

общество, поставившее себѣ цѣлью — содѣйствіе развитію и распространенію философскихъ знацій. Возникновеніе этого общества обнаруживаетъ усиленіе философскихъ интересовъ въ нашемъ отечествѣ въ настоящее время и можетъ возбуждать надежды на успѣхи у насъ философіи въ будущемъ.— Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно должно пробудить и воспоминанія о прошедшемъ,—о тѣхъ дѣятеляхъ философіи, которые и непосредственно и посредственно содѣйствовали наблюдаемому въ современномъ обществѣ подъему философской любознательности и которые, конечно, утѣшали себя мыслью, что дѣло ихъ не пропадетъ безслѣдно, но принесетъ плодъ. Среди такихъ дѣятелей проф. В. Н. Карповъ особенно заслуживаетъ благодарной памяти,—какъ потому, что онъ много и плодотворно потрудился для русской философской мысли, такъ и потому еще, что всѣ труды его проникнуты заботою о будущности философіи въ Россіи: онъ лелеялъ мысль о самобытной русской философіи, намѣтилъ планъ ея и различными путями старался подготовить для нея почву. И самое совпаденіе столѣтней годовщины со дня рожденія его съ временемъ особаго оживленія у насъ философскихъ интересовъ служитъ какъ бы нарочитымъ напоминаніемъ исторіи о его заслугахъ въ области философіи и ставить его имя выше намѣренной или ненамѣренной людской забывчивости.

В. Н. Карповъ, сынъ священника воронежской епархіи, родился 2 апрѣля 1798 года. Уже семейное воспитаніе создало въ немъ тотъ навыкъ къ труду, благодаря которому, при своей даровитой натурѣ, онъ обнаружилъ себя въ школѣ лучшимъ воспитанникомъ, въ жизни самостоятельной—неутомимымъ и плодотворнымъ дѣятелемъ науки. Въ семье же заложены были въ немъ основы той религіозно-нравственной настроенности, которая является столь характерною какъ для его жизни, такъ и мысли. Духовная школа укрѣпила въ В. Н. задатки, полученные въ семейномъ воспитаніи, и кромѣ того, па ея долю выпала честь развитія въ своемъ питомцѣ склонности къ философіи. В. Н. имѣлъ рѣдкое счастіе и въ средней и въ высшей школѣ изучать философію подъ руководствомъ выдающихся наставниковъ. Въ воронежской семинаріи онъ учился у протоіерея И. Я. Зацѣпина, который былъ ревностнымъ почитателемъ Шеллинга и который изъ-за любви къ философіи уже въ 50-лѣтнемъ возрастѣ, послѣ многихъ затрудненій и хлопотъ, добился у начальства годо-

вого отпуска, чтобы прослушать курсъ лекцій по философії въ Харьковскомъ университетѣ у нѣмецкаго философа Шада. Такой, преданный своей наукѣ преподаватель, естественно, не могъ не повліять на развитіе склонности къ философії въ лучшемъ воспитанникѣ.

По окончаніи курса семинаріи, Карповъ назначенъ въ киевскую духовную академію для составленія ея второго курса. Здѣсь онъ слушалъ философію подъ руководствомъ тоже замѣчательнаго въ свое время профессора И. М. Скворцова—бывшаго воспитанника нашей академіи, «такъ что В. Н. Карповъ былъ для нашей академіи какъ бы уплатой со стороны киевской за И. М. Скворцова»¹⁾. Вліяніе Скворцова не могло не отразиться на Карповѣ, и можно въ различныхъ отношеніяхъ отмѣтить слѣды этого вліянія. Прежде всего, И. М. Скворцовъ долженъ былъ послужить образцомъ своему ученику какъ преподаватель. Это былъ дѣловитый, строгій и аккуратный въ исполненіи своихъ обязанностей наставникъ; — столько же требовательный къ студентамъ, сколько и внимательный къ оцѣнкѣ ихъ трудовъ, сколько и чуждый, вмѣстѣ съ тѣмъ, педантства и чиновности въ отношеніяхъ къ нимъ. Особенно благотворное вліяніе на умы и сердца учащихся производила его цѣльная натура: «убѣжденія ума были для него не только началами мышленія и знанія, но вмѣстѣ и плодотворными правилами жизни и дѣятельности»²⁾. Въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ И. М. стремился привести въ гармонію выводы наукъ естественныхъ («съ которыми, особенно съ физико-математическими онъ былъ очепь знакомъ»³⁾), и идеи философії съ началами Откровенія. Въ частности, слѣдуетъ отмѣтить тотъ его взглядъ, что «мыслящій человѣческій духъ отнюдь не есть существо безусловное, и мышленіе его не есть абсолютное, творческое, т. е. одною силою чистой мысли полагающее бытіе, истину. Истина не есть произведеніе одной чистой мысли нашей. Напротивъ, она первоначально есть нѣчто данное для насъ и нами только познаваемое и воспринимаемое въ сознаніе». Органомъ же восприятія истиннаго, какъ прекраснаго и доброго, служить непосредственное, прирожденное намъ чувство

¹⁾ Некрологъ Карпова въ „Христ. Чт.“ 1868, ч. I, 232.

²⁾ Труды Кіев. Дух. Ак. 1863. II. 449.

³⁾ Ibid. 453.

или вѣра въ обширномъ смыслѣ. Философія и науки возникаютъ тогда, когда это непосредственное содержаніе вѣры мы стремимся возвести на степень знанія. И. М. Скворцовъ утверждаетъ, что умъ человѣческій собственными усилиями не можетъ достигнуть полнаго и всесторонняго знанія, хотя и непреодолимо стремится къ таковому: философія всегда останется философіей, т. е. стремленіемъ къ мудрости, удовлетвореніе же этому стремленію человѣкъ получаетъ только въ Откровеніи¹⁾. Конечно, философскіе взгляды И. М. Скворцова окончательно сформировались не въ первые годы его профессорства, когда былъ его слушателемъ В. Н. Карповъ; но въ болѣе поздніе, однако, нужно думать, въ основѣ своей они были даны въ его мысли уже тогда, а съ другой стороны, несомнѣнно, и позднѣйшіе труды И. М. не были неизвѣстны Карпову. Во всякомъ случаѣ, въ воззрѣніяхъ и въ преподавательской дѣятельности обоихъ профессоровъ есть сходство, которое можно объяснить вліяніемъ одного на другого.

Первые четыре года службы В. Н. (1825—29) были въ кievск. дух. семинаріи; слѣдующіе четыре (1829—33) въ кievск. духовн. академіи въ качествѣ баккалавра сначала французскаго языка, а затѣмъ философскихъ наукъ. Въ 1833 г. онъ былъ перенесенъ въ петербургскую духовн. академію, где съ 1835—67 г. состоялъ профессоромъ философскихъ наукъ.

Профессорская дѣятельность В. Н. Карпова отличается такими же чертами ревностнаго служенія наукѣ и добрыхъ отношеній къ учащимся, какъ и дѣятельность И. М. Скворцова, и оставила послѣ себѣ столь же хорошую память. Эта дѣятельность въ свое время была охарактеризована съ различныхъ сторонъ въ некрологахъ В. Н. Мы напоминаемъ изъ этихъ характеристикъ только немногое. Уже въ кievск. дух. академіи, — въ первые же годы своего профессорства Карповъ выдѣлился изъ ряда академическихъ наставниковъ усерднымъ исполненіемъ дѣла, знаніями и талантливостью,—почему и былъ черезъ два же года переведенъ въ петербургскую академію. О профессорствѣ его въ столичной академіи одинъ изъ слушателей В. Н. сообщаетъ: «Лекціи его отличались самыми живыми изложеніемъ и полными отсутствиемъ педантической сухости. Нерѣдко имѣли мѣсто ученыя бесѣды учителя съ учениками на подобіе тѣхъ, какія

¹⁾ Труды Киев. Духов. Акад. 508—511.

онъ хорошо изучилъ у Платона; въ такихъ случаяхъ В. Н. особенно воодушевлялся, и это приводило его къ убѣдительнейшімъ импровизаціямъ. Присутствовавшій въ то время въ Св. Синодѣ московскій митроп. Филаретъ, посѣщая академію, замѣтилъ даровитаго и усерднаго профессора и собственною инициативою постарался возвести В. Н., бывшаго дотолѣ бакалавромъ, въ званіе ординарнаго профессора¹⁾. (1835 г.). В. Н. очень дорожилъ хорошимъ составомъ аудиторіи и основательностью подготовки слушателей. Говоря вообще, составомъ академической аудиторіи онъ былъ всегда доволенъ²⁾. И говорилъ: «только въ нашихъ академіяхъ и можно теперь съ удовольствіемъ и достоинствомъ читать философію»³⁾. «Поэтому же, будучи приглашенъ читать лекціи философіи въ петербургскомъ университетѣ, кажется, въ 1849 году, онъ отказался, не смотря на выгодность предложения, потому что университетскіе слушатели обладаютъ слишкомъ недостаточнымъ философскимъ образованіемъ»⁴⁾.

Профессорское служеніе В. Н. Карпова не всегда протекало мирно и покойно. Съ В. Н. случались и певзгоды, — которые одинъ изъ вспоминающихъ о немъ объясняетъ его «беззавѣтною преданностью дѣлу, и его истинно гражданскимъ мужествомъ, съ которымъ В. Н. противился всему, въ чемъ видѣлъ неправильное отношеніе къ дѣлу и науки»⁵⁾. Одинъ ректоръ академіи противъ воли перевелъ В. Н. съ одной философской каѳедры на другую. Это было въ 1843 г., когда каѳедру философіи поручили иностранцу Фишеру, а В. Н. перевели на каѳедру исторіи философіи, обязавъ его читать новую науку по самой странной и прихотливой программѣ⁶⁾. «Тоскливо принялъ, тоскливо потомъ и вспоминалъ В. Н. это невольное удаленіе свое съ любимой своей каѳедры, которую онъ, по свидѣтельству слушавшихъ его философскія лекціи, поднялъ на высоту, на которой она раньше не стояла... Уже не такъ часто, какъ прежде, находило на него увлекающее вдохновеніе во время чтеній по исторіи философіи;

¹⁾ „Голосъ“. 1867. № 348.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Христ. Чт.“ 1868 г., ч. I, стр. 269.

⁴⁾ „Голосъ“. 1867. № 348.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

мертвая программа мертвила его рѣчь. Вновь онъ ожилъ, когда ему поручили преподаваніе сперва логики, а потомъ психологіи...»¹⁾.

В. Н. былъ не только талантливымъ, но — что не менѣе важно въ профессорѣ — необыкновенно трудолюбивымъ и безкорыстнымъ работникомъ на нивѣ научной. «Онъ могъ до послѣдняго года просиживать за работой ежедневно отъ 14 до 17 часовъ»²⁾; онъ говорилъ о себѣ: «я умру на этой кафедрѣ»³⁾. И дѣйствительно, десять ректоровъ и инспекторовъ академіи перемѣнились; молодые наставники опредѣлялись и поспѣшили оставляли академію для другихъ болѣе обеспеченныхъ мѣстъ службы, шестнадцать курсовъ слушателей перемѣнилось, ученики покойного достигали высшихъ степеней отечественной іерархіи и занимали вдвое и втрое болѣе выгодныя мѣста; наконецъ, старшіе профессоры академіи всѣ оказались уже учениками покойного профессора, а самъ онъ не разставался и никогда не думалъ разстаться съ академіей; крѣпкій союзъ его съ своей кафедрой, продолжавшійся 42 года, могла расторгнуть только смерть» (\dagger 1867 г., 3 дек.)⁴⁾.

Таковъ былъ В. Н. какъ ученый дѣятель, но онъ оставилъ послѣ себя прекрасную память и какъ человѣкъ. Лучшая характеристика его въ этомъ отношеніи дана въ слѣдующихъ словахъ одного лица, весьма близко знавшаго семейную и общественную жизнь В. Н. «Существенною и отличительною чертою покойного профессора былъ, по нашему мнѣнію, онравдываемому общимъ неподдѣльнымъ сочувствиемъ къ нему всѣхъ знавшихъ его,—его высокій *религиозно-нравственныи характеръ*, покрывавшій и дѣлавшій иногда какъ будто незамѣтными всѣ остальныя его достоинства. Онъ никогда не хотѣлъ казаться ни философомъ, ни профессоромъ, какимъ теперь остается для исторіи, а всегда на словахъ и на дѣлѣ хотѣлъ быть и казаться только человѣкомъ; человѣкомъ же быть, по его задушевному убѣждѣнію, значило быть христіаниномъ и не на словахъ только и не по своему разумѣнію христіаниномъ, а на дѣлѣ и по требованію *Православной Церкви*. И онъ былъ имъ отъ начала до конца своей

¹⁾ „Христ. Чт.“ 1868 г., ч. I, 267.

²⁾ „Христ. Чт.“ 1868 г., ч. I, 363.

³⁾ Тамъ же, 269.

⁴⁾ Тамъ же, 266.

70-ти-лѣтней жизни.. Внѣ служебныя свои хлопоты онъ посвящалъ болѣе другимъ, чѣмъ себѣ и своей семье. Всѣмъ онъ былъ все, а своимъ служилъ только образцомъ трудолюбія и честныхъ правиль въ жизни. Въ обращеніи, прежде всего, онъ приковывалъ къ себѣ общее вниманіе своимъ твердымъ, разумнымъ и чрезвычайно теплымъ словомъ; затѣмъ винушалъ неизмѣнное уваженіе къ себѣ своею неподдѣльною благопамѣренностью,—наконецъ совершенно покорялъ себѣ такимъ благородствомъ и рѣшительностью духа, что сейчасъ же былъ готовъ свое слово привести въ дѣло. Онъ былъ цѣльный, всегда и вездѣ одинаковый и сначала до конца жизни вѣрный себѣ человѣкъ. Въ этомъ отношеніи онъ, кажется намъ, заслуживаетъ неменьшаго, если не большаго изученія, чѣмъ и въ отношеніи ученомъ. Впрочемъ материаалы для изученія его въ томъ и другомъ отношеніи почти одни и тѣ же; потому что въ его книжной философіи можно читать философію его жизни, а въ философіи дѣйствительной жизни видѣть и провѣрять его книжную философію¹⁾.

Высказанный въ этихъ словахъ взглядъ на проф. В. Н. Карпова, дѣйствительно, раздѣляется всѣми, писавшими и говорившими о немъ рѣчи по случаю его смерти; онъ подтверждается и содержаніемъ его сочиненій. Изъ послѣднихъ такъ же видно, что его философія была философіею жизнью и покоилась на чувствѣ глубокой вѣры, что онъ былъ изъ тѣхъ мыслителей, которые стремятся постигнуть истину не умомъ только, но и сердцемъ, и которые не теоретически только ее признаютъ, но проводятъ и въ жизни; для него жизнь была цѣлью знанія и нравственные интересы — интересовъ умственныхъ. «Что это за наука, говорилъ онъ, которая педантски смотрить на жизнь и, вместо того, чтобы помогать ея развитію и облагораживать ее, убѣгаешь отъ нея и, облекшись въ туманныя формы логической ткани, носится невѣдомо для чего за облаками»²⁾. Вотъ почему и говорившій слово на его погребеніе духовный ораторъ избралъ для эпиграфа текстъ изъ Іоаннова посланія: „чадца мои, пе любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною. И о семъ разумѣмъ, яко отъ истины есмы (Іоан. II, 18 — 19)“³⁾. «Ибо, говорилъ онъ о Карповѣ

¹⁾ „Христ. Чт.“ 1868 г. ч. I. 245—247.

²⁾ Тамъ же, 248.

³⁾ Сист. спр. ф. рац. 33.

одаренный отъ природы не только умомъ и сердцемъ, отъ начала до конца своей жизни искренній сынъ церкви и горячій патріотъ, онъ смѣло изслѣдовалъ туманную глубину тогдашней гордой и блестящей западной философіи, русскимъ сердцемъ понялъ причину ея болѣзнейшихъ крайностей и всею многолѣтнею дѣятельностью въ своей наукѣ и жизни старался доказать, что *быть отъ истины* значитъ любить, любить не словомъ только, или языкомъ, но дѣломъ и истиною»¹⁾.

Послѣ В. Н. остались оригинальные и переводные труды по философіи. Къ первымъ принадлежать: «Введеніе въ философію». (1840 г.), «Систематическое изложеніе логики» (1856 г.), «Философскій раціонализмъ новѣйшаго времени» (отдѣльное изданіе первоначально печатавшихся въ «Христ. Чтенії» за 1860 г. статей подъ тѣмъ же заглавіемъ) и «Систематическая форма философскаго раціонализма или научоученіе Фихте» (тоже отдѣльное изданіе статей изъ «Странника» за 1866 г.). Кромѣ того, отъ него мы имѣемъ рядъ статей, печатавшихся въ различныхъ журналахъ, напр. «Взглядъ на движение философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины различныхъ ея направлений» («Журн. Мин. Н. Пр.» 1856 г. ч. 92 стр. 167—198), «Душа и дѣйствующія въ природѣ силы» («Хр. Чт.» 1866 г. ч. II) и изданная уже по смерти его «Вступительная лекція въ психологію» (Хр. Чт. 1868 г. ч. II). Къ переводнымъ трудамъ принадлежать: I-й томъ исторіи философіи Риттера (1839 г.) и сочиненія Иллатона—въ 6-ти томахъ—классический трудъ, четыре тома котораго изданы были при жизни В. Н. (изъ нихъ два первыхъ тома были изданы въ 1840 г. затѣмъ переизданы вмѣстѣ съ 3-мъ и 4-мъ въ 1863 г.), а два послѣдніе уже по смерти его (Москва 1879 г.).

Всѣ труды В. Н. Карпова носятъ на себѣ печать одного дѣльного міровоззрѣнія и всѣ они одушевлены одною заботою—создать почву для самостоятельной русской философіи, соответствующей характеру русскаго народа, особенностямъ его национальной религіозной и государственной жизни. На этой-то послѣдней сторонѣ его трудовъ мы и остановимся.

«Россія, писалъ В. Н. издавая I томъ Ист. фил. Риттера, по всѣмъ отраслямъ наукъ сдѣлала уже значительныя успѣхи; одной только философіи пѣтъ или почти пѣтъ въ Россіи; эта наука у насъ еще не получила организаціи, не приведена въ

¹⁾ Слово прот. И. Л. Янышева. „Христ. Чт.“ 1868 г. ч. I. 255.

сознание какъ наука, но дробится въ безконечномъ множествѣ мыслей разнохарактерныхъ и разноцѣнныхъ, разсѣянныхъ отрывочно въ нашей литературѣ, или изрѣдка украшающихъ бесьду людей образованныхъ»¹⁾). Все это только философствование, а не философія въ собственномъ смыслѣ. «Можно философствовать, но не быть философомъ, по будучи философомъ нельзя не философствовать. Философъ — не тотъ, кто о чёмъ -нибудь и какъ-нибудь философствуетъ; кто по случайному т. е. логическому расположению истинъ, или по столкновенію страстей --- и эмпиристъ, и идеалистъ, и действъ и супранатуралистъ; но тотъ, чье философствованіе есть выраженіе одной неизмѣнной идеи о мірѣ и жизни и стремленіе къ развитію этой идеи въ одно систематическое цѣлое»²⁾). Если же философствованіе — «не есть выраженіе одной постоянно развивающейся идеи о мірѣ и жизни, но возбуждается случайнымъ столкновеніемъ мыслей, или вѣтромъ эфемерныхъ мнѣній, то, по нашему мнѣнію, приличнѣе назвать ее «чесапіемъ слуха», а не философіею»³⁾). Такое философствованіе приносить болѣе вреда, чѣмъ пользы. «Принимая въ сознаніе все, отпечатлѣнное характеромъ философіи, и не имѣя готовыхъ началъ науки, которыми можно бы оцѣнивать свои пріобрѣтенія, мыываемъ принуждены сохранять ихъ въ памяти безъ разбора, безъ классификаціи, неорганически и часто въ этой смѣси хорошаго съ худымъ, истиннаго съ ложнымъ все выдаемъ за истинное и доброе. Отсюда понятія наши шатки, познанія большою частію безъ цѣли, научословныя правила безъ основанія, теоріи безъ связи и характера»⁴⁾) (II).

Итакъ, Россіи нужна собственная, самобытная философія, которая замѣнила бы беспочвенное и случайное философствованіе и дала бы должное направление развитію отдѣльныхъ наукъ⁵⁾.

Но такъ какъ «всякій народъ, вступающій на поприще философіи, сначала долженъ изучить идеи поколѣній предшествовавшихъ т. е. изслѣдовать философію человѣческаго ума вообще, въ вѣковыхъ ея развитіяхъ,—ибо тогда само собою опредѣлится точка его стоянія, и будетъ видно, чѣмъ

¹⁾ Предисл. къ I-му т. Ист. ф. Риттера. I.

²⁾ Введ. въ ф. 42.

³⁾ Введ. въ ф. 108.

⁴⁾ Предисл. къ I т. Ист. ф. Риттера. II.

⁵⁾ Введ. въ ф. 117—120.

кончится время прошедшее «чего можно желать искать и надѣяться въ будущемъ»¹⁾, то труды В. Н. для русской философи, прежде всего имѣли это предуготовительное значеніе.

Во-первыхъ въ 1839 г. была переведена имъ съ этою цѣлью исторія древней философи Риттера,— собранная изъ другихъ нѣмецкихъ пособій, потому, что она болѣе всего удовлетворяетъ требованіямъ науки, и переведенная имѣпно—въ тѣхъ видахъ, чтобы «къ генеалогическому дереву философи пережившему столько тысячелѣтій, Россія привела свое народное воспитаніе, нравственный характеръ, свой образъ мыслей и произвела философию оригинальную»²⁾). Во вторыхъ, съ тою же цѣлью Карповъ предпринимаетъ другой свой важнѣйшій трудъ—переводъ сочиненій Платона.—«Великие гenii на по-прицѣ науки суть собственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достояніе всѣхъ вѣковъ. Поэтому русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается украшеніемъ каждой литературы», писалъ онъ въ въ предисловіи къ 1 изд. сочиненій Платона (I). Трудъ этотъ былъ выполненъ В. Н. съ рѣдкою тщательностью, научною добросовѣстностью и искусствомъ. Къ дѣлу онъ приступилъ съ ясно-намѣченнымъ планомъ и съ отчетливымъ представлѣніемъ своей задачи. «Переводы, говорить онъ, бываютъ двухъ родовъ: или буквальные или перифрастические. Оба эти способа передавать потомству мысли и чувства древнихъ писателей очень не трудны, потому что въ первомъ случаѣ переводчикъ не считаетъ нужнымъ заботиться о чистотѣ и плавности того языка, на который книга переводится, а во второмъ нисколько не останавливается на особенностяхъ и частныхъ оттѣнкахъ переводимой мысли. По этимъ же самымъ причинамъ оба эти способа не достигаютъ цѣли—не усвояютъ народу образцовыхъ произведеній древности. Буквальные переводы—почти всегда мертвый капиталъ литературы, а перифрастические—почти всегда бесполезны для читателей»... Поэтому истинно хорошимъ, кажется, надобно признать тотъ, въ которомъ 1) выражена мысль писателя, если можно, со всѣми ея оттѣнками и 2) сохранена чистота и естественность

¹⁾ Пред. къ Ист. ф. Р. V.

²⁾ Тамъ же.

современной фразы на томъ языкѣ, на который сочиненіе переводится. Эти общія правила я постоянно имѣль въ виду, при переложеніи платоновскихъ разговоровъ, хотя, можетъ быть, не всегда находилъ въ себѣ довольно силы строго выполнить ихъ»¹⁾.

Въ предисловіи къ I-му и ко 2-му изданію В. Н. Карповъ заявляетъ, что ревнуя о чести русской литературы, онъ старался, чтобы русскій пашь Платонъ не уступалъ ни одному изъ иностранныхъ — не только въ вѣрности и вмѣстѣ точности перевода, но и въ приложеніяхъ, облегающихъ чтеніе и пониманіе великаго философа. Онъ рѣшился представать на судъ своихъ читателей не только какъ переводчикъ по вмѣстѣ какъ критикъ и отчасти комментаторъ платоновскихъ сочиненій, а потому къ каждому діалогу приложилъ свое введеніе — съ цѣлью показать его планъ и содержаніе, а гдѣ нужно объяснить отдельныя мысли подстрочными историческими, философскими и отчасти филологическими примѣчаніями, и въ заключеніе падѣялся снабдить изданіе подробными указателями. Понять Платона безъ вспомогательныхъ средствъ нельзя. «Впрочемъ, замѣчаетъ В. Н. Карповъ мои усилия, можетъ бы, не внушили бы мнѣ довольно смѣлости объяснять Платона, если бы я не имѣль подъ рукою хотя немногихъ, однако превосходныхъ трудовъ по этому предмету». Главными руководителями для него были: Стефанъ, Асть, Шлейермахеръ и Штальбомъ: «ихъ глубокимъ изслѣдованіямъ я обязанъ болѣе, чѣмъ собственнымъ усиліямъ».

При осуществленіи своего труда, такъ широко задуманнаго, В. Н. Карповъ долженъ былъ встрѣтить много затрудненій различного рода. И прежде всего, затруднителенъ былъ самый переводъ своеобразной рѣчи Платона на русскій языкъ. «Особенностей въ греческомъ языке больше, чѣмъ въ позднѣйшихъ, а рѣчь Платона оригинальностью и характеромъ своего склада изумляла самихъ современныхъ ему грековъ». Поэтому, говоритъ переводчикъ, «оригинальность Платоновыхъ оборотовъ и выражений, множество поговорокъ и пословицъ и въ некоторыхъ мѣстахъ необходимая связь философской мысли съ такими, а не иными греческими формами, кое-гдѣ не позволяли мнѣ держаться на своихъ основаніяхъ и принуждали то на минуту допустить перифразъ, то отчасти

¹⁾ Предислов. къ I-му изд. I—II.

изъянить нѣкоторымъ неважнымъ требованіямъ родного языка»¹).

Естественно, что столь добросовѣстно выполненный трудъ оказался на высотѣ научныхъ и литературныхъ требованій и былъ оцѣненъ по достоинству. Въ предисловіи къ 1-му изданію В. Н. выражаетъ надежду, что знатоки дѣла, взвѣшивъ всѣ затрудненія, съ которыми ему надлежало бороться почти на каждой страницѣ, извинятъ нѣкоторые недочеты въ переводе, которыхъ однако, какъ онъ полагаетъ, не много²). Въ предисловіи же ко 2-му (вышедшему черезъ 22 года) онъ говоритъ, что критика была очень снисходительна къ 1-му изданію, оцѣнила впутреннія достоинства изданной книги, встрѣтила ее привѣтливо и почтила переводчика самыми лестными отзывами. «Эти отзывы были единственной наградой за мой трудъ и принесли мнѣ по крайней мѣрѣ нравственную пользу въ томъ отношеніи, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени я не разставался съ Платономъ и не закончилъ изданія двумя томами. Правда, служебныя занятія немнога давали мнѣ досуга для приготовленія къ изданію еще неизданныхъ діалоговъ любимаго мною философа; зато сколько у меня оставалось свободныхъ часовъ, я посвящалъ Платону болѣе, чѣмъ съ удовольствіемъ»³).

И въ этомъ переводе Платона, надъ которымъ покойный профессоръ трудился до самой своей смерти, опять оказались тѣ же заботы его о судьбахъ русской философіи. «Я долго, говорить онъ, не рѣшался приняться за это дѣло. Меня пугала сомнительная судьба многотомныхъ твореній въ такомъ родѣ, какъ философскія. Найдеть ли у насъ Платонъ довольно читателей? Эта мысль долго колебала меня... Одно только обстоятельство дѣлало легкій перевѣсъ въ пользу изданія: это — пробужденіе духовенства къ развитію въ своей средѣ учено-литературной дѣятельности и старанія министерства — установить на каѳедрахъ его училищъ здравую и плодоносную въ своихъ основаніяхъ философію. Отчего, думаль я, — въ такую пору всеобщаго стремленія къ установленію прочной учености въ Россіи не пригодилась бы идея Платона, когда въ прежнія времена — за три вѣка предъ этимъ

¹⁾ Предис. къ 1 изд. VI—VII.

²⁾ Стр. VII.

³⁾ Пред. ко 2-му изд. XXIII.

его именно творениями открывалась эпоха возрождения наукъ на западъ Европы? Итакъ, решено было печатать и, если Богъ поможетъ, довести изданіе до конца»¹⁾.

Первые два тома сочиненій Платона изданы были въ первый разъ въ 1840 г. Въ этомъ же году В. Н. Карповъ выпустилъ въ свѣтъ свое «Введеніе въ философію», въ которомъ уже намѣчаются основы самобытной русской философіи и даетъ въ общихъ чертахъ опытъ таковой въ своей собственной системѣ. Плодъ десятилѣтней профессорской дѣятельности—«Введеніе въ философію» заключаетъ въ себѣ мысли вообще о философіи и объ образѣ ея систематического развитія²⁾. Позднѣйшій трудъ «Систематическое изложеніе Логики», изданное 1856 г., имѣетъ въ виду соединить цѣли учебныхъ съ научными и потому, хотя авторъ старается «по возможности сообщить своему сочиненію качества методы аналитической, однако предпочелъ въ развитіи его плата и ходѣ содержащихся въ немъ ученій слѣдовательно синтезу»³⁾. Причина этому та, что логика внутренне связана и обыкновенно преподается совмѣстно съ психологіею: поэтому «я счелъ нужнымъ основать свою логику на началахъ психологіи, слѣдовательно развить ее синтетически, въ формѣ системы такъ, какъ бы она относилась къ курсу наукъ философскихъ, и по этой причинѣ назвалъ ее «систематическимъ изложениемъ»⁴⁾. Поэтому же его учебникъ логики имѣть значеніе для знакомства не только съ психологическими его взглядами, но и вообще съ философскими, поскольку философія, по его воззрѣнію, такъ же построется на основѣ психологіи: «въ полной системѣ философіи... психологія... имѣть значеніе философской пропедевтики, или—лучше—науки коренной, въ которой полагаются начала для изслѣдованія всесторонней дѣятельности человѣческой души, т. е. не только для наукъ формальныхъ, но и для реальныхъ, объясняющихъ непосредственное отношеніе человѣка къ предметамъ міра внѣшняго и внутренняго».⁵⁾.

Повидимому, самая мысль объ особой русской философіи должна казаться странною. Какое отношеніе философія,—

¹⁾ Тамъ же XXVIII.

²⁾ Предисл. къ Вв. въ ф. IV.

³⁾ Предисл. къ Лог. IV.

⁴⁾ Томъ V.

⁵⁾ Лог. 8, прим. 1.

область мышленія, притомъ мышленія отвлеченного, можетъ имѣть къ национальнымъ особенностямъ? Не все ли равно, кто рѣшаетъ вопросы о сущности, цѣли и причинѣ міра, русскій или нѣмецъ? Здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ чистымъ мышленіемъ, мышленіемъ общечеловѣческимъ, отрѣшеннымъ отъ всего конкретнаго, частнаго, национальнаго. В. Н. Карповъ держится иныхъ взглядовъ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ философамъ, которые не разрываютъ философіи съ жизнью; философія у него, съ одной стороны, имѣеть практическую цѣль — опредѣлить мѣсто, значеніе и отношеніе человѣка въ мірѣ¹⁾,—а съ другой, сама стоитъ въ зависимости отъ личныхъ особенностей философа и условій народно-общественной жизни.

«Философія разсматриваетъ сущее въ полномъ его составѣ и гармоніи, а потому должна найти начало всѣхъ познаній о существѣ и, выводя изъ него истины частныя, указать въ нихъ основоположенія для другихъ наукъ. Въ какой степени философы достигали этой цѣли, показываетъ исторія философіи. Каждому изъ нихъ казалось, что за начало своей системы онъ принимаетъ безусловную истину, и каждый старался послѣдовательно и связно построить на ней цѣлое. Но безусловныя начала ихъ системъ почти всегда условливались личнымъ горизонтомъ созерданія и частнымъ хроматизмомъ идей, а отъ того построенія ихъ походили на что-то калейдоскопическое; такъ что философія въ нихъ зависѣла отъ философовъ, а философы — отъ умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ предрасположеній, скрывавшихся за положенными въ системѣ началами. Мыслители были твердо убѣждены, что основныя истины ихъ ученія не подлежать никакому сомнѣнію и имѣютъ право на всеобщее согласіе, сами не замѣчая, что собственное ихъ убѣженіе произошло отъ инуды, изъ-за предѣловъ науки и, сдѣлавшись предзанятымъ началомъ, оттѣнило ихъ идею и управляло ея развитиемъ...²⁾ Посему тѣ описаются, кто въ систематикѣ теорію отдѣляютъ отъ практики и думаютъ, что послѣдняя не мѣшаетъ первой. Сколь бы ни хороша была система въ формальномъ построеніи; но содержаніе ея всегда болѣе или менѣе отцовѣвается практическими понятіями мыслителя,

¹⁾ Введеніе въ философію 85.

²⁾ Лог. 288.

полученными отъ воспитанія, отъ религіозныхъ убѣжденийъ, отъ общественныхъ отношеній»¹⁾.

Своему взгляду на связь философіи съ жизнью В. Н. представляеть историческое оправданіе. «Безъ сомнѣнія должно согласиться, что въ области философіи судьба частныхъ взглядовъ много зависитъ отъ господствующаго духа времени и страны, отъ потребностей и направлениія жизни, а особенно отъ религіозныхъ убѣждений: идеи быстро обобщаются, когда явились кстати,—и умираютъ, родившись не во время. Если истина Сократа долго развѣтвлялась только подъ покровительствомъ политического порядка, который она защищала противъ вольномыслія софистовъ, то критика Канта не могла не процвѣтать подъ покровительствомъ народнаго вѣроисповѣданія, которое главнымъ образомъ опиралось на авторитетъ и подлежательномъ судѣ ума»²⁾, т. е. вѣроисповѣданія лютеранского. «Философія во всѣ времена выступала изъ нѣдръ религіи и первое свое развитіе совершила подъ ея вліяніемъ»³⁾. Такъ было въ мірѣ языческомъ и въ мірѣ христіанскомъ. Но «стремленіе языческаго ума къ мудрости простирилось далѣе народныхъ вѣрованій; языческая наука стала выше своей религіи, философское знаніе сдѣжалось руководителемъ человѣка и обличителемъ идолослуженія; — отсюда произошелъ правдивый и всегда достойно превозносимый языческій раціонализмъ»⁴⁾. Въ христіанствѣ «философія уже не могла опередить вѣру, потому что пачала христіанства безконечно выше и духовнѣе всѣхъ возможныхъ началь ума», и «философія, развиваясь въ пѣдрѣ христіанства по существу этой вѣры, не могла сдѣлаться философіею раціоналистическою». Но откуда же тогда «произошелъ господствующій въ Германіи уже около ста лѣтъ философскій раціонализмъ, если онъ несогласимъ съ духомъ христіанской вѣры и не могъ быть обязанъ ей своимъ происхожденіемъ? — Рѣшить этотъ вопросъ можно не иначе, какъ предположивъ, что среди христіанского общества образовался взглядъ ума на вѣру языческій»⁵⁾. В. Н. и показываетъ постепенное обра-

¹⁾ Тамъ же 263. Введ. въ ф. 101—103; 111—113.

²⁾ Фил. раціон. нов. вр. „Христ. Чт.“ 1860, I. 296.

³⁾ Тамъ же 288.

⁴⁾ Тамъ же 289.

⁵⁾ Тамъ же 291.

зование этого взгляда: сначала въ Римской церкви, гдѣ и догматы и формы религіозной жизни были поставлены подъ произволъ одного лица, а затѣмъ въ лютеранской, гдѣ все подчинено было произволу ума. Такъ возникъ раціонализмъ религіозный, а за нимъ и философскій. Родоначальникомъ философскаго раціонализма былъ Кантъ; потомъ его примѣру послѣдовали другіе философы. Если религіозный раціонализмъ ставить умъ выше вѣры, то раціонализмъ философскій «въ одномъ умѣ, независимо отъ опыта, полагать условіе не только познанія, но и всего познаваемаго: ни въ человѣкѣ, ни въ его, нѣтъ ничего, что не зависѣло бы отъ опредѣленій ума»¹). Проф. Карповъ обстоятельно критикуетъ раціонализмъ, какъ онъ представленъ въ системахъ Канта и Фихте, вооружается противъ увлечения имъ со стороны русскихъ и высказываетъ убѣжденіе, что «германскій раціонализмъ никогда не получитъ у насъ популярности и не сдѣлается собственною нашею философіею, пока мы не переродимся въ стихіяхъ нашего народнаго духа и религіозныхъ своихъ убѣждений не принесемъ въ жертву иновѣрному мышленію. Мы не сроднимся съ этимъ раціонализмомъ именно потому, что онъ не можетъ сродниться съ нашею православною вѣрою»²). Конечно, философія въ мірѣ христіанскомъ поразительне всего характеризовалась тѣмъ, что никогда, даже въ уклоненіяхъ отъ истины, не могла развиваться вѣтъ всякаго отнотепія къ духу христіанской вѣры³), однако, если Цицеронъ сказалъ: «nemo philosophus, nisi vir bonus», то съ христіанской точки зрѣнія нужно сказать: «nemo bonus philosophus, nisi vera Christi religione imbutus»⁴). Такую истинную философію нужно искать тамъ, гдѣ истинная вѣра. И если эта философія со стороны объективной характеризуется согласіемъ съ истиной христіанскою, то со стороны субъективной она имѣеть тотъ отличительный признакъ, что органомъ познанія истины служать всѣ силы души, сосредоточенные въ вѣрѣ и ею просвѣтленные⁵): умъ и сердце не поглощаются одно другимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздѣляютъ своихъ интересовъ, но развиваются въ постоянной

¹⁾ Взглядъ на дв. ф. въ мірѣ хр. „Ж. М. И. П.“ 1856, ч. 92, стр. 189.

²⁾ Тамъ же 197.

³⁾ Тамъ же 171.

⁴⁾ Тамъ же 173.

⁵⁾ Тамъ же 168.

связи между собою какъ органы вѣры и въ просвѣтлѣнной душѣ христіанина находять твердыя основы для рѣшенія задачь философіи¹⁾). Напротивъ, въ лютеранской философіи перевѣсь ума надъ сердцемъ и впупренняя раздвоенность человѣка²⁾.

Всѣ эти разсужденія приводятъ къ тому, что философія разнится по характеру своему въ зависимости отъ особенностей того народа, среди которого она возникаетъ. Общечеловѣческой философіи нѣтъ. Понятіе «общечеловѣческость» «нельзя и безсодержательно и измышленно только германскими философами. Наша жизнь съ первыхъ дней рожденія начинаетъ отцвѣчиваться домашними своими ограниченіями, а потомъ вогникаетъ подъ домашнимъ и религіозно-политическими законами. Гдѣ тутъ искать общечеловѣчности? И если бы мы нашли ее, какое она укажетъ намъ содержаніе дѣятельности? Какъ для моего тѣла прямо здорова и питательна та пища, на которой я выросъ; такъ и для моей души истинно полезны тѣ религіозно-политическія понятія, которыя стихійно вросли въ нравственный мой организмъ и сплоили меня съ обществомъ³⁾). Слѣдовательно, можетъ быть и самостоятельная русская философія, соотвѣтствующая національнымъ особенностямъ русскаго народа.

Въ чёмъ же должна состоять отечественная философія? «Истинная философія дѣйствуетъ между внушеніями религіи и политики и, открывъ существенныя требования человѣческой природы, соглашаетъ ихъ съ законами вѣры и условіями отечественной жизни. Но что значить дѣйствовать на поприщѣ философіи между внушеніями религіи и политики? Значить— производить философскія изслѣдованія подъ ихъ вліяніемъ, опредѣлять человѣка въ мірѣ сообразно ихъ ограниченіямъ,— не для того, что онъ требуютъ такого, а не другого понятія о его природѣ, но потому, что его природа развитая и взлѣянная ими, на самомъ дѣлѣ такова, а не другая. Человѣкъ, конечно, всегда человѣкъ: но это всесвѣтное (*ens genericum*) само себѣ равное существо является философу не иначе, какъ подъ безконечно-различными типами національного быта. Частныя вѣрованія и положительные законы страшъ

¹⁾ Тамъ же 197.

²⁾ Тамъ же 183—184.

³⁾ Логика 276.

превращаютъ субъектъ универсальный во множество субъектовъ народныхъ, вовсе не похожихъ одинъ на другой,— и это естественно, потому что народный характеръ человѣка образуется также, какъ отдѣльное понятіе разсудка. Понятіе составляется со стороны опытной изъ нѣсколькихъ представлений, перешедшихъ въ разсудокъ отъ мѣстныхъ предметовъ, а со стороны духовной — изъ единичной, болѣе или менѣе свѣтлой идеи, посредствомъ которой представленія объединяются: подобнымъ же образомъ народность условливается со стороны виѣшней — обычаями и мѣстными постановленіями государства, а со стороны внутренней — духомъ вѣры и правилами церкви. Такъ воспитываются и оразнообразиваются народные субъекты! Который же изъ нихъ почесть прототипомъ человѣка, чтобы вѣрно опредѣлить значеніе его природы. Германецъ отдаетъ эту честь натурально германцу, французъ — французу и т. д., и они предъ своими націями иправы, потому что въ Германии и Франціи человѣкъ на самомъ дѣлѣ таковъ, какимъ его изображаетъ философія ихъ. Но таковъ ли онъ въ Россії? И справедливо ли бы поступили наши умствователи, когда бы снявъ философскую копію съ германского или французского оригинала, выдавали его за человѣка прототипа и заставляли напѣтъ умъ мыслить, напе сердце чувствовать — по германски и французски? Это значило бы желать перемѣнить національный бытъ нашъ, слѣдовательно, условія общественной нашей жизни и уставы православной нашей церкви, элементы которыхъ существенно вошли въ природу россіянина и сдѣлали его субъектомъ народнымъ. Итакъ, философія отечественная, оригиналная, должна имѣть въ виду опредѣленіе мѣста, значенія и отношеній человѣка въ мірѣ, поколику человѣкъ, самъ въ себѣ всегда и вездѣ одинаковый, въ развитіи охарактеризованъ типомъ истиинно русской жизни и, раскрывъ требованія его природы, прояснить ему его обязанности по отношенію къ отечеству и религії»¹⁾). Поэтому и высшею критикою философскихъ или синтетическихъ построений долженъ быть не теоретический умъ Канта, а религіозно-политическая начала страны, для которой синтезъ строить свои системы²⁾); слѣдовательно, для Россіи — православіе и единодержавіе, какъ двѣ стихіи въ которыхъ

¹⁾ Введ. въ ф. 114--117.

²⁾ Логика 276

воплощается идея русской жизни и взаимодѣйствіемъ которыхъ растетъ и укрѣпляется духъ русской народности¹⁾.

Опытъ такой самобытной философской системы, представленной, впрочемъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, В. Н. даетъ въ своеемъ «Введеніи въ философію».

Это—система такъ называемаго философскаго синтезизма, отличительною особенностью которою служить то, что онъ разсматриваетъ знаніе и бытіе, идеальное и реальное въ нераздѣльномъ и коренномъ ихъ существованіи, а не выводить одно изъ другого и выводъ этотъ почитаетъ невозможнымъ²⁾. Насколько эта система противоположна философскому рационализму, все выведившему изъ ума, настолько же въ ней можно видѣть черты, напоминающія выше отмѣченные философскіе взгляды И. М. Скворцова. Задача философіи, по опредѣленію проф. Карпова, «изслѣдоватъ природу не въ частныхъ видахъ явлений, а въ цѣломъ какъ одно бытіе полное разнообразной жизни и дѣятельности». Но это значитъ уже возвышаться надъ опытомъ, въ которомъ все обособлено и вступить въ область метафизического³⁾). Гдѣ же искать этого метафизического? По срединѣ физического и духовнаго,—точнѣ тамъ, гдѣ они находятся во взаимной связи и выражаются въ общихъ обоимъ результатахъ. Всего очевиднѣе для насъ это проявляется въ человѣкѣ и его дѣятельности, и здѣсь то философъ прежде всего узнаетъ метафизическое, какъ произшедшее изъ физического и духовнаго и отражающее въ себѣ свойства того и другого. Во вторыхъ, метафизическое есть среднее между субъектомъ и объектомъ: это—ни одностороннія, чисто формальная представлениія нашего я, ни вещь сама въ себѣ, но царство мысли организующееся изъ ихъ элементовъ, субъекто-объектъ,—словомъ мыслимое, соединяющее познаніе съ бытіемъ⁴⁾). Т. о. съ точки зрѣнія нашего философа, областью метафизическихъ изслѣдований собственно долженъ быть признанъ человѣкъ и все прочее постольку, поскольку оно отражается въ человѣкѣ. Узнать природу въ себѣ, какъ уже Кантъ доказалъ, нельзя, и разоблачить природу—трудъ напрасный, когда она сама даетъ себя знать, хотя и измѣнивъ объективныя условія

¹⁾ Тамъ же 263.

²⁾ Введ. въ ф. 70 пр.

³⁾ Тамъ же 27.

⁴⁾ Тамъ же 28—32.

своего бытія, въ нашемъ сознаніи. Природа добровольно разоблачаетъ себя каждый день въ содеряніи нашего мышленія, нашихъ чувствованій, желаній и стремленій—въ цѣломъ существъ человѣка... Конечно, въ этихъ предѣлахъ она вся вмѣститься не можетъ, но и изъ того, что въ нихъ вмѣщается возможенъ посредствомъ ряда заключеній ходъ науки до самаго ея святилища ¹⁾). Согласно съ этимъ, проф. Карповъ, во первыхъ, началомъ философіи и формальнымъ и реальнымъ признаетъ сознаніе: положеніе «я сознаю» какъ истина первая, непосредственно извѣстная, сама по себѣ ясная и всеобщая, можетъ и должно быть субъективнымъ началомъ философіи ²⁾) или формальнымъ; но сознаніе, взятое конкретно (т. е. если не отдѣлять въ немъ психической силы отъ содерянія) есть и начало реальное и объективное; «оно есть единственное начало всего, что человѣкъ мыслить, чувствовать, желаетъ и къ чему стремится; потому что сознаніе усвояеть и обнимаетъ всѣ формы нашей жизни. Въ этомъ отношеніи оно имѣеть важное преимущество предъ тѣми началами философіи, которыми выражается какая-нибудь одна сторона нашего бытія. Извѣстно, что начала чувства рѣдко бываютъ въ гармоніи съ законами ума; а начала ума не даютъ никакой цѣны внушеніямъ чувства. Извѣстно также, что философы, основывавшіеся на началахъ умственныхъ, выводили изъ нихъ и правила нравственной дѣятельности, и религіозныя стремленія сердца, а потому лишали самостоятельности самое лучшее и благороднѣйшее въ человѣкѣ. Эти противорѣчія и несообразности въ основаніяхъ, проистекающихъ изъ частныхъ отраслей нашей жизни, примиряются сами собою въ сознаніи; потому что сознаніе есть общее доказательство ихъ бытія и общая порука за большую или меньшую очевидность ихъ предписаній. Въ сознаніи нѣть исключеній: все сознаваемое находится въ немъ и принадлежить ему, какъ бытіе дѣйствительное. Посему философія, основывающаяся на сознаніи, не можетъ допускать монополіи въ человѣческой природѣ, не можетъ однимъ жертвовать для другого, неизъяснимое почитать призракомъ или вообще быть одностороннею» ³⁾). Если съ областью метафизическою мы знакомимся

¹⁾ Тамъ же 63.

²⁾ Тамъ же 56.

³⁾ Введ. въ ф. 61.

чрезъ разсмотрѣніе собственного внутренняго міра, то понятно, во вторыхъ, какую роль здѣсь играетъ самопознаніе и почему «психологія, какъ наука самопознанія, постоянно дѣйствовала въ сферѣ философскихъ изысканій и почти всегда служила для нихъ основаніемъ»¹⁾. «Человѣка искони называютъ микрокосмомъ или малымъ міромъ: слѣдовательно, въ немъ можно пайти законы всякаго бытія, подслушать гармонію жизни, разлитой въ цѣлой вселенной, и созерцать таинственные символы связей, соединяющихъ все мірозданіе»²⁾). Основаніемъ своимъ философія будетъ имѣть теперь взглядъ на міръ и жизнь исключительно согласный съ природою души, а средствами своего развитія законы дѣятельности, найденные и опредѣленные психологическими изслѣдованіями. Съ точки зрењія своего основанія она будетъ созерцать область бытія метафизического какъ *философія религії*, *философія природы* и *философія человѣчества*, а пользуясь своими средствами, бытіе метафизическое поставитъ въ связь съ міромъ явлений, гдѣ встрѣтится съ частными науками и, обусловивъ собою ихъ формальное развитіе, взамѣнь сообщаемыхъ формъ получитъ ихъ содержаніе, чтобы такимъ образомъ видимое было живымъ выраженіемъ невидимаго и въ чувственномъ вѣрно изображалось духовное»³⁾.

Матеріаль для построенія философской системы доставляется нашему мышленію двумя источниками: чувствомъ и умомъ. Органомъ умственного созерцанія, направленного собственно на нашъ внутренний міръ (тогда какъ чувствомъ душа познаетъ виѣшнее), является идея, предметъ которой психологія поставляется въ единствѣ безусловно-истинного и доброго и которая является въ душѣ образомъ безконечности и вѣчности⁴⁾. Чрезъ эти два источника «въ сознаніе входитъ съ одной стороны безконечное множество непрестанно измѣняющихся отдельныхъ явлений, а съ другой—идеальное единство истинного и доброго, и эти стороны, встрѣчаясь и взаимно проникаясь въ сознаніи, отражаются въ немъ какъ единое созданіе единой причины, которая положила на пемъ печать

¹⁾ Тамъ же 22.

²⁾ Введ. въ психологію. „Хр. Чт.“ 1868, ч. I. 211.

³⁾ Тамъ же 220. Подробное разясненіе этого же въ Введ. въ философію 121—135.

⁴⁾ Логика § 10.

вѣчной истины и вѣчного добра, и тьмы заключающихся въ немъ твореній соединила неразрѣшимыми узами причинныхъ связей»¹⁾.

Философія, по взгляду проф. Карпова, какъ уже было выше замѣчено имѣть чисто - практическую цѣль — опредѣлить мѣсто, значеніе и отношенія человѣка въ мірѣ²⁾), а для этого она всегда старалась разматривать міръ какъ одно т. е. найти законъ гармонического бытія вселенной³⁾). Человѣческая природа не имѣть въ себѣ несомнѣнной и постоянной нормы для опредѣленія гармонического бытія вселенной т. е. не знаетъ, какое мѣсто въ природѣ отведено каждому существу или роду существъ, въ какомъ отношеніи должны находиться между собою всѣ предметы въ мірѣ и, слѣд., каковы должны быть законы бытія и дѣятельности каждого изъ нихъ, какъ должно представлять ихъ общую связь. И однако человѣкъ необходимо требуетъ такой нормы, — чтобы опредѣлить свое мѣсто въ цѣломъ и законы своего бытія и дѣятельности⁴⁾). Для удовлетворенія этого необходимаго требования и является философія. Нельзя сказать, чтобы втеченіи всей своей исторіи она не приближалась къ цѣли: нѣть, въ ней есть развитіе, и ея успѣхи важны для науки вообще и утѣшительны для человѣка, стремящагося прояснить свое мѣсто, значеніе и отношеніе въ гармоническомъ бытіи міра⁵⁾.

Но достигнетъ ли философія когда-нибудь своей цѣли? На этотъ вопросъ В. Н. Карповъ, подобно И. М. Скворцову, даетъ отрицательный отвѣтъ, полагая смыслъ философіи въ самомъ стремлѣніи къ мудрости⁶⁾) и окончательное рѣшеніе ея вопросовъ указывая въ откровенномъ ученіи⁷⁾.

Система философскаго синтетизма, со стороны объективной отличающаюся тѣмъ, что разматриваетъ идеальное и реальное въ ихъ нераздѣльномъ существованіи, — со стороны субъективной имѣть ту особенность сравнительно съ другими системами, что уравниваетъ умъ съ другими силами въ сознаніи человѣческаго субъекта, ограничиваетъ его предѣлы и, обращая вниманіе на его существо и дѣятельность, ставить

¹⁾ Тамъ же § 11.

²⁾ Введ. въ ф. 85.

³⁾ Введ. въ ф. 79.

⁴⁾ Тамъ же 86.

⁵⁾ Тамъ же 95.

⁶⁾ Тамъ же 100—105.

⁷⁾ Тамъ же 92—93.

въ зависимость отъ абсолютнаго и чувствопостигаемаго¹⁾. Если имѣть въ виду, что философствованіе по духу вѣры правой или православія, по взгляду проф. Карпова, какъ указано выше, построется на гармоніи ума и чувства, объединенныхъ въ вѣрѣ, и что православіе составляетъ одну изъ национальныхъ стихій русскаго народа,—то нельзѧ не видѣть, что синтетизмъ, основывающійся не на одномъ умѣ, но на гармоніи всѣхъ силъ человѣческаго духа представляетъ опытъ такой именно самобытной русской системы. Значеніе этого опыта, только намѣченного въ общей схемѣ, будѣтъ оцѣнено, конечно, тогда, когда появится чаемая проф. Карповымъ русская философія т. е. подробно разработанная на указываемыхъ имъ основаніяхъ философская система. Что можетъ появиться такая самобытно-русская система, этого съ историко-философской точки зренія пѣтъ основаній отрицать.

Историко-философскимъ взглядамъ проф. В. Н. Карпова нужно отдать справедливость съ той стороны, что онъ ставить въ связь философію—съ жизнью. Мысль, что «исторія философіи не есть подобное тканью на ткацкомъ станкѣ написываніе абстрактныхъ идеальныхъ необходимостей, а борьба мыслящихъ людей, и что въ каждой значительной системѣ мы имѣемъ предъ собою волнующія міръ могущественные мысли въ индивидуальной концентрації»²⁾ все болѣе и болѣе находитъ себѣ приверженцевъ среди новѣйшихъ историковъ философіи. И съ надлежащимъ правомъ, потому что взглядъ на всякую философскую систему не просто какъ на отрѣшенное отъ жизни умственное построение, но какъ на опытъ такого рѣшенія основныхъ вопросовъ знанія и бытія, которое имѣеть въ виду удовлетворить требованіямъ всей разумно-правственной природы человѣка и внутренно связано и съ личными свойствами мыслителя, съ национальными особенностями его народа и съ настроениемъ окружающаго его общества,—этотъ взглядъ, вплетая исторію философіи въ общечеловѣческую исторію, проливаетъ большой свѣтъ на движение человѣческой мысли. При такомъ взглядѣ, дѣлаются, напр., понятными, какъ странныя иногда противорѣчія у логичнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ мыслителей, такъ и не менѣе странное увлеченіе въ извѣстное время теоріями, уже неоднократно потерпѣвшими круше-

¹⁾ Введ. въ. ф. 72.

²⁾ Виндельбандъ. Философія Канта. Пер. Платоновой, стр. 4.

ніє отъ критической мысли и признанными за несостоятельный. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы справедливо должны видѣть вмѣстѣ съ проф. Карповымъ причину въ томъ, что движениемъ философской мысли управляютъ не одни законы ума, но и требованія и стремленія всей духовной природы человѣка.

Отсюда же можно видѣть насколько правъ былъ русскій мыслитель въ своихъ чаяніяхъ самобытной русской философіи. Если философія свои теоретическія построенія и фактически исполняетъ и должна исполнять согласно съ практическими тенденціями человѣческой натуры, если за движениемъ мысли зорко, но не всегда замѣтно слѣдить сердце и воля, личные стремленія, национальные и общественные идеалы,—то должна быть и русская философія, разъ есть русская нація и русская душа съ своеобразнымъ складомъ, съ своимъ образомъ мысли и чувства съ своими чаяніями и стремленіями.

Поэтому и мысль проф. Карпова не стоитъ обособленно въ русской философской литературѣ. Она не только высказывается и другими современными ему и позднѣйшими мыслителями¹⁾, (причемъ, слѣдуетъ замѣтить, взгляды всѣхъ ревнителей самобытной русской философіи сходятся въ существенныхъ чертахъ): эта мысль выражается уже при самомъ началѣ русского философствованія первымъ нашимъ философомъ Г. С. Сковородою,—изъ которого у профессора В. Н. Карпова приводятся слѣдующія строки²⁾.

«Изводъ образованія, говорить Сковорода, долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ учителя есть познать нужду, мѣру, примѣръ и свойство истины образованія и сочетать себя съ народомъ т. е. изводъ съ истою и форму съ идею. Коликое идолопоклонство восписывать выписнымъ мудрецамъ и покупнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французъ силу восприносить и воспрічтатъ чуждому воспитанію! Свое воспитаніе утаивается въ природѣ всякаго народа какъ огонь и свѣтъ невидимо утаился въ кромешкѣ. Приставъ же губку, либо пруть и ударъ кресаломъ и выкрешещь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ трепетицемъ, клапаться и просить: нозичъ мили огня!»

Д. Миртовъ.

¹⁾ Кирѣевскимъ, Хомяковымъ,—Новицкимъ, Михневичемъ, Давыдовымъ, Астафьевымъ, Алексѣемъ Введенскимъ и др.

²⁾ „Ж. М. Н. П.“ 1856 г. ч. 92, стр. 198.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки